

Игорь Огай

Прозревшие в преисподней

16+

Игорь Владимирович Огай

Прозревшие в преисподней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38577211

SelfPub; 2018

Аннотация

Когда человечество, почти выиграв межзвездную войну, вдруг сдаётся на милость победителю в шаге от собственной победы, пилоту космического штурмовика только и остаётся, что продолжать свой собственный бой. Даже если для этого придётся податься в пираты. Вот только не быть героем у него получается плохо. Да к тому же надо обязательно узнать, кто предал всех людей Земли. Что же станет с героем, когда он окончательно прозреет?

Камни и пыль над головой. Лишь камни и пыль...

Равнины, изъеденные оспинами кратеров, покатые склоны хребтов осыпавшихся миллионы лет назад, изгрызенные временем пики скал, сверху вниз топырящиеся из грунта...

Лишь камни и пыль над головой.

А под ногами – бездна. Черная бесконечная бездна, с контрастными до боли в глазах иголками звезд. Внизу. Под ногами.

Потому что мир давно сошел с ума и встал на голову...

Облет Луны по низкой орбите в перевернутом положении – лучшая позиция для медитации. Особенно если правильно подобрана высота. Не корабль вверх тормашками – огромная планета, повисшая над бездной – давящая тяжесть против разверстой пустоты. Ну и где-то посередине ты – козявка, ползущая под исполинским выщербленным шаром в наполненной воздухом жестянке... Ни всплыть, ни упасть – самое подходящее место для человека в этом мире.

Семен вздохнул, вяло пошарил взглядом по приборной панели. Кто-то хочет с ним поспорить? Нет? Жаль. Потому что на самом деле здесь было ужасно скучно.

Земля, выпала из-за близкого выгнутого «улыбочкой» горизонта, и стремительно канула под блистер носового маскировочного термоэммитера... Красиво, но не больше пары минут. А дальше – опять скучно.

Вот если проложить курс на семь-восемь градусов левее... О, да, вот это было бы весело! Тоже недолго, но уж со скуки точно не помрешь. Точнее помрешь, но не со скуки.

Спутник наблюдения на высокой орбите можно было бы игнорировать – корабль, слава богу, достался не из самых заметных. Локатор на грунте мощнее и разборчивее, его пришлось бы обходить по рельефу, вручную вписываясь в сектора мертвых зон, да еще включить кое-что из старого, недоразукомплектованного по халатности флотских техников снаряжения корабля. Повертеться пришлось бы здорово, но шансы все равно хороши. А вот над периметром отчуждения уже вертись, не вертись... Оптика на маяках стоит отличная. Земная там стоит оптика. Вешки периметра натыканы в пределах прямой видимости – ни щелки, ни лазейки. В общем, тут уже без вариантов, отсчет что называется, пошел. То есть «пошел бы»...

Секунд тридцать на включение тревоги и осознание гарнизонам факта появления нарушителя непосредственно над периметром. Уж, кажется, сколько учили их верить только своим глазам (ну или «глазам» земным), а не завезенным с Лерона-прайм системам, устаревшим еще во времена Вооруженного Недопонимания. Делом учили, с громом и пламенем... Все равно верят, значит ступор на полминуты обеспечен. Еще десяток секунд – пробуждение системы охраны периметра, захват цели на автосопровождение, подготовка к стрельбе... Ну и собственно все. Потому что очередь из зе-

нитной установки «Водопад» движется в вакууме со скоростью 7950 метров в секунду, что при стрельбе в упор надежд не оставляет. Десять снарядов – отсечка. Больше не понадобится – все десять лягут в цель. Вернее первые три-четыре – остальные пройдут по траектории, уже не встретив препятствия.

Нарушитель распылен на атомы, на Землю отправлена возмущенная нота (автоматически, одновременно с открытием огня и извинениями за невосполнимый ущерб кораблю и пилоту), инцидент исчерпан. Еще бы! Попробовали бы леры его не исчерпать! В одном только загвоздка. Будь в корабле не псих из любителей острых суицидальных ощущений, а реальный террорист – вся эта треклятая лунная оккупационная база, занозой сидящая в задницах адмиралов и земного и лерского флотов, приносящая больше проблем, чем пользы даже самим оккупантам, но положенная по ордеру опорных объектов...

В общем, не было бы уже этой базы. Полностью. Со всеми ее радарными, «водопадами», с периметром отчуждения, полутысячей гарнизона и даже спутниковой группировкой. Зато одной проблемой у всех стало бы меньше. У флота Содружества государств Земли отпала бы нужда исподтишка охранять потенциально враждебный Содружеству же объект, что б с ним не дай бог чего не стряслось. У леров – снабжать и обеспечивать быт пятисот прикормившихся в теплом и тихом уголке обормотов, еженедельно заискивая опять-таки с

Землей, выпрашивая то замену очередному, выбывшему из строя по халатности «глазу», то эскорт продовольственному транспорту через ничейные пространства, то новую серию Болливудской «Звездной саги». Ну, нравится им индийская видеопродукция, что с них взять?

Ни чего.

И на том спасибо.

Семен снова вздохнул. Даже где-то жаль, право слово, что нельзя принять на семь градусов левее... Пока еще нельзя. Рано. Но ведь когда-нибудь придет и такое время, и тогда главное, чтобы отпала нужда в камикадзе...

1.

Дело было сделано чисто. Даже слишком чисто. Строго по плану, без единой помарки, без лишних нервов, и конечно без всяких следов. Сведения заказчика об объекте оказались точными. Охрана заказанного «клиента» не сменила в последний момент ни время прохода контрольного пункта, ни маршрут, ни корабль. Эскорт-лидер бедолаги не сумел распознать атаку, потеряв последние шансы уклониться или перехватить выстрел землянина. Даже расчет на стрельбу удался с первого раза, причем для его реализации не потребовалось нарушать режим предельной маскировки.

Кому перешел дорогу этот несчастный лер, сгоревший вместе со своим кораблем, Семена не волновало. Один инопланетчик заказал другого – обычное дело на оживленных

межзвездных трассах, где торговля порой больше походит на локальные криминальные войны. Желаящие помочь выяснить отношения между конкурентами всегда найдутся. В этот раз таким снова оказался землянин Семен Сикорский. Так что же, оставалось лишь удостовериться, что оплата за чистую работу перечислена сполна? За слишком, удивительно чистую работу...

Вообще говоря, так бывает только в одном случае: если цель подставная, а заказ – ловушка. Год назад такое уже случилось и уйти удалось лишь благодаря... нет, не чуду, даже, и не везению – благодаря исключительной тупости командира лерского «охранителя», почти добровольно напоровшегося на второй и последний выстрел Семена. И потому теперь, пока корабль в течение суток набирал релятивистскую скорость, Семен откровенно дергался, ожидая не то адресного вызова с Лерона-прайм, не то отправленного вдогонку перехватчика. А может и попросту ракеты в корму, если ловушка была устроена не лерами, а земным Департаментом Содействия Оккупационным Силам. Такое тоже было возможно, чего душой кривить.

Но... Вот она – Луна. Вот идеально черный бархатный силуэт корабля, стелящийся по белым от солнца скалам. Позади сутки торможения, сброшенная на случайную окололунную орбиту боевая надстройка, загруженный фантомным маршрутом бортовой самописец. Так что же, все в порядке? Вот такая случайная – один раз на миллион – удача?

Что ж, когда-нибудь, наверное, должно было случиться и такое. А значит, пожалуй, уже можно снять трубку и позвонить в «Лунную радугу» насчет ужина. И сразу затем – Жустин, чтобы скромное празднование еще одной маленькой победы над оккупантами не превратилось в вульгарное надиралово в одно лицо.

Стоят бессонные сутки одного ужина в приятной компании? Безусловно. Особенно если и Жустин с эти согласится...

На пульте мигнул сигнал вызова, и тут же в углу хрюкнул динамик:

– Сто-ровно-полста-пять, идешь раньше расчетного.

Семен сверился с приборами и мысленно кивнул. Правильно, эту маленькую проблему тоже надо было предвидеть. Заявку на вход в круговую орбиту он подавал еще перед стартом. С обычным запасом по времени на пережидание в режиме маскировки периода активного поиска, либо на пару ложных разгонов для запутывания следа... В общем заложившись на все те маленькие неприятности, которые обычно сопутствуют попытке покинуть позицию. Кто же знал, что в этот раз ему позволят уйти практически по-английски?

– Тимур, – произнес Семен с чувством, – Я больше не буду. Честное слово... Приткни куда-нибудь, а? В последний раз.

Удобнее порта, чем естественный спутник планеты для звездолетов не бывает. Луна исключения не составляла, и

потому буквально через полода после передачи в частные руки бывшей военной базы времен Вооруженного Недопонимания прилегающее к ней пространство приняло вид роящегося пчелиного улья. График в посадочном секторе «Луна Сортировочная» был слишком плотным, чтобы можно было нарушить его без всяких последствий.

– Аварийная, что ли? – деловито осведомился динамик, и Семен даже съежился от соблазна брякнуть «да».

Не дай бог. Все на виду, все пишется. Подтвердишь вот так, сдуру, аварийную посадку ради выгоды в полчаса – на полгода прощайся с полетами. А это при определенном роде занятий крайне нежелательно. Крайне.

– Штатная, Тимур. – Семен поморщился. – Но очень нужно.

Диспетчер медлил. С одной стороны лишняя работа: связываться с «Луна-контроль» согласовывать новое время подхода, синхронизировать график следования через сектор... Все автоматизировано конечно, но лишняя работа это всегда и лишняя ответственность. С другой стороны, а чего ему еще делать, отставному оператору вооружения линейного крейсера «Александр Великий», списанному с флота одновременно с его расформированием? Гонять мусоровозы с одной стоянки на другую?

Непременная бутылочка земного коньяка под новый год от Жустин – тоже аргумент. Транзитная (читай: дешевая) лерская водка давно уже поперек горла всей «Сортировоч-

ной». А коньяк можно выгодно продать в любой местный бар, или даже ресторан.

– Причина нарушения графика? – молвил, наконец, Тимур.

– Не поверишь, – Семен улыбнулся, – у меня столик в «Лунной радуге»... – он покосился на часы, прикинул время и добавил: – На полседьмого. Уважь, Ибрагимыч. В долгу не останусь, ты же знаешь.

– Да я при чем? Старший смены неустойку выкатит.

– Отлично, – согласился Семен. – Отправляйте счет, адрес ваша бухгалтерия наизусть знает.

Все, ключевая фраза произнесена. Допуслуги управления движением будут оплачены. Неустойки рейсовым бортам, отправленным в случае серьезных коллизий на второй круг по орбите – тоже.

– Полста-пять, рассчитывайте посадку, – снисходительно сообщил динамик. – Успешное касание доложить.

Семен снова откинулся в кресле и потянулся к телефону. Вроде бы здесь уже должен брать сигнал.

Столик в «Лунной радуге» стоил не то что бы запредельно – говорят, был где-то на «Луне-Пересадочной» один ресторан еще дороже – но очень близко к тому. Однако при бешенных ценах на все что имелось в меню, вплоть до каких-то особенным образом кондиционированного воздуха в небольшом зале, «Радуга» отличалась нарочитой простотой,

если не сказать грубостью обстановки и ненавязчивостью обслуживания. Той самой простотой и ненавязчивостью, что граничит с тончайшей изысканностью. Завези деревянную мебель с Земли, выстели пол коврами с Яшми, отделай стены ручной росписью по натуральной штукатурке, увешай зал золотыми побрякушками. Зажги вместо электричества свечи, жрущие кислород вдесятеро больше самих посетителей.

Если все это сделать умело, получится настоящая дорогая роскошь, которая высоко ценится клиентами не зависимо от времени и расположения оной. Но это простой путь. А вот попробуй-ка добиться того же эффекта, заставив зал пластиковыми столами и стульями, вспоров автогеном обшивку стен, выставив наружу все коммуникации, а к потолку подвесив на проволоке немногочисленные трубки дневного света...

Остановившись на пороге зала, Семен подождал, пока его кислородный пай будет переведен на счет ресторана, выискивая одновременно заказанный с орбиты столик. Да, кажется вон тот за ширмочкой в виде огромного отогнутого куска обшивки. Пока свободен. Слава богу, Жустин опоздания хоть и терпит, но искренне на них обижается.

Мэтр возился у другого столика. Семена он увидел, узнал, хоть и не с первого взгляда, сделал профессионально приветливый приглашающий жест, одновременно подзывая официанта. Семен снисходительно кивнул и двинулся в нужном направлении. За тем столиком явно были новички – мэтр

с самым серьезным видом втирал им, что во времена, когда «Луна-Сортировочная» еще называлась базой материального обеспечения военно-космического флота Содружества Земли «Луна-44» в этом самом зале, мол, располагался пункт управления системой обороны – единственное помещение, которое лерам пришлось брать штурмом. Вранье, от начала до конца, но байка нравилась не только землянам, чувствовавшим в ней тонкий налет фрондерства, но и самим лерам, которые были в «Радуге» отнюдь не редкими гостями, и даже чи-при, показательно соблюдавшим нейтралитет во время межзвездного «Вооруженного Недопонимания».

Слушая краем уха подобную чушь, Семен давно перестал морщиться. В конце концов, кто из нынешних посетителей способен уловить разницу между автогеном и лерским штурмовым лучеметом «Штроборез»? А вот мебель была настоящая. С той самой «Лунной радуги», команда которой отказалась подчиниться приказу собственного штаба о сдаче своего крейсера лерам, объявила всех адмиралов предателями, и была сброшена с орбиты на грунт «Александром Великим» во время попытки атаковать будущую «Луну-Сортировочную» в момент подписания акта о капитуляции Земли. Об этом обстоятельстве мэтр, впрочем, не распространялся – здесь уже пахло фрондой не выдуманной, а самой настоящей. Леры, в отличие от знатоков новейшей истории Земли, могли не оценить.

– Сема! – раздалось от самого порога, и Семен едва не

выронил поданное официантом меню.

Он поднял руку, привлекая внимание Жустин, одновременно оглядывая зал. Те самые новички – парень с девушкой, явно только что с Земли. Трое леров, не в форме, должно быть негоцианты с примеченного на летном поле тяжелого грузовика «Барракуда». Какой-то старик в противоположном углу. Впрочем... не старик – чи-при. Редкий, ох редкий гость в пространстве Содружества. В человеческой одежде действительно похож на пожилого землянина, вот только к чему маскарад?

Плевать. Какое Семену до этого дело? Главное – все тихо и мирно, ни кто не спешил реагировать на экстравагантное появление. Ох уж эта вечная привычка избегать лишнего внимания!

Едва кивнув по дороге расплывшемуся в улыбке мэтру, Жустин почти бегом проследовала к столику, упала на скрипнувший пластиковый стул. Взгляд, брошенный на бедного официанта, тот расценил совершенно правильно, и, молча, вручив ей вторую папку с меню, поспешил удалиться.

– Здравствуй, дорогая, – Семен улыбнулся. – Ты сегодня не на шутку пунктуальна.

На издевательский комплимент та не обратила никакого внимания.

– Сема, ты, правда, цел? – Почти шепотом выговорила Жустин, уже явно понимая неуместность этого вопроса. – Черт... Черт! Скарлатину убью! При первой же встрече!

– Если догонишь, – добавил Семен, сгоняя с лица улыбку. Так. Ну и что за ерунда здесь творится?

Он бегло осмотрел Жустин: бытовой минимум макияжа, красноватые, припухшие глаза, явно наспех напяленная прямо на спортивный костюм роскошная кофта натуральной шерсти. Сумочка с вшитой кобурой для дамского «Хлыста». Нет, конечно, собираясь в «Радугу», мало кому пришло бы в голову надеть смокинг или вечернее платье, сюда запросто можно было войти прямо в летном комбинезоне, и это послужило бы лишь знаком уважения имиджу заведения. Но одно дело имидж, и совсем другое – полное отсутствие интереса к собственной внешности. Для женщины вообще, и для Жустин в частности – невозможно. Совершенно. К тому же «Хлыст»... Лицензия на оружие была настоящая, но сумочку эту Жустин терпеть не могла.

– Рассказывай, – сквозь зубы потребовал Семен, не отрывая взгляда от меню. – Где мы погорели, и причем тут Скарлатина?

– Сволочь... – прошипела Жустин, на глазах приходя в себя. – И ты такой же! Как будто не знаешь, что!..

– Не знаю! В чем дело?

– Ты погиб, Семен, – просто сказала она, покусывая губу. – Убит, при попытке скрыться от эскорт-перехватчика во внешнем полукольце астероидов системы Лерона-прайм. Корабль уничтожен, тело не обнаружено...

– Идентификация не проводилась, – подхватил Семен. –

С чего ты решила?..

– А кто там еще мог быть? – тонкие пальчики Жустин впились в кожаную папку с меню, и Семену показалось, что она готова огреть его по тупой башке. – Кто, кроме тебя? Какой еще земной борт мог быть атакован перехватчиками в этом секторе?

Семен кивнул. Все правильно, ни какой. Леры могли начать стрелять лишь в ответ на откровенно враждебные действия. Не намерения, а именно действия, то есть – атаку. Трудно было ожидать, что в том же секторе пространства нашелся еще один идиот, открывший огонь по бизнес-конвою горе-оккупантов.

– Скарлатина откуда знает? – спросил Семен, чувствуя, что начинает закипать.

– Он шел через Лерон-прайм из пространства Чи-при. Разрешенная контрабанда... Послушал оперативный эфир, ты же знаешь его корабль.

Семен знал. Эскадренный корабль поддержки оперативного управления, снятый с вооружения после капитуляции человечества и по программе конверсии проданный на вес металлолома. Небольшой, абсолютно беззащитный для любых видов оружия, зато по горлышко напичканный аппаратурой связи. По сути – мобильный всеволновой мультидиапазонный ретранслятор. Перед продажей большую часть оборудования должны были снять, или вывести из строя, но... Кто в смутное время планетарной капитуляции испол-

нял инструкции?

– Не понимаю, – проговорил Семен. – Не понимаю, зачем ему врать...

– Я первые сутки вообще не помню, как прожила, – Жустин наконец-то всхлипнула, но тут же спохватилась, снова сжала кулаки. – А потом еще три дня... Пока ты не соизволил...

– Жус, очнись! Что я не соизволил? Четверо суток – обычный срок на возвращение! Или я должен был «курьера» отправить? Прямо из-под маскировки?

Сообразив, что сам подсказал возможный способ связи, Семен прикусил язык.

Математический парадокс, позволявший материальным телам преодолевать межзвездные расстояния в считанные дни, оказался неприменим для любых видов излучения. Скорость света в вакууме по-прежнему оставалась предельной для... самого света, а так же радио- и рентгеновского излучения, не говоря уже о куда более медленных потоках частиц. В результате наиболее оперативным способом дальней связи оказался банальный перенос носителя информации из одной точки пространства в другую. Письмо с курьером, как в докосмическую эру. Только «курьеры» теперь в основном были автоматические, одноразовые и безумно дорогие.

– У тебя есть «курьер»? – растерянно переспросила Жустин.

Уже чувствуя себя той самой скотиной и эгоистом, кото-

рый предпочел сэкономить на отправке сообщения, Семен обреченно кивнул. На его корабле «курьер» был только один. От боевой ракеты класса «пространство-пространство» автономный модуль доставки отличался лишь отсутствием боевой части и полетной программой, позволяющей затормозить в точке назначения. Нужную дистанцию «курьер» преодолел бы примерно в восемнадцать раз быстрее любого пилотируемого корабля.

– И правильно, что не послал, – неожиданно конструктивно закончила Жустин. – Еще бы засекали. Но... откуда?

– Вместе с кораблем купил. Входил в комплект поставки. Семен усмехнулся, а Жустин понимающе кивнула. Его слова означали, что модуль доставки попросту забыли изъять перед продажей борта. Семен тоже брал корабль по программе конверсии.

– Черт знает что, – заключила Жустин. – Да и Скарлатина не врал, в новостях был сюжетик про перехват капера. Возмущенный такой...

– Представляю, – Семен кивнул.

Он действительно живо представил себе этот сюжетик – три минуты негодования по поводу безответственных действий неоинсургентов, провоцирующих Лерон на ужесточение оккупационного режима. Соответствующий видеоряд: космос, эскорт-перехватчик крупным планом (необязательно, кстати, настоящий), бортовая лазерная батарея «святая зарница» (необязательно действующая), вспышка попа-

дания (полное вранье). Плюс коротенькое интервью средней руки чиновника из Департамента Содействия Оккупационным Силам: отщепенцы... дешевые провокаторы... толерантность, политкорректность и мирное сосуществование... вооруженная робингудовщина не выход... единодушное осуждение прогрессивного человечества.

Жустин продолжала болтать. Напряжение последних дней ее потихоньку отпускало, но непонятная тревога в глазах татья не спешила.

– ...А вчера челнок с Земли ошвартовался, представляешь? С припиской центрального Департамента СОС. Инкогнито, конечно. Но слушок по «Сортировочной» прошел, спасибо Тимурику... Спец-класс – на борту пилот, инспектор и больше ни кого. Это к нам-то в наш трижды пролерский гадюшник! Скарлатина низкий старт взял от греха. Причем заказ принять не успел, порожняком ушел. Остальные... То же в общем. Парамона помнишь? Черный собиратель...

Семен снова кивнул. Безбашенного собирателя старого оружия по местам боевой славы времен Вооруженного Недопонимания он конечно помнил. Откуда бы еще взялась та самая, парящая сейчас по случайной траектории боевая надстройка для его корабля?

– ...Его корыто, двое суток уже на базе. А самого ни кто не видел и не слышал. Диспетчера говорят, что борт заходил на автоматике, заправку и обслуживание не заказывал. А еще – все леры из купола пропали.

– Так уж и все? – недоверчиво переспросил Семен, косясь на пировавшую посреди зала троицу серокожих гуманоидов.

– Все монахи, с опорной базы, – поправилась Жустин. – Знаешь ведь, они у нас все время толкуются, то по барам, то по девочкам, то в синема... А тут уже третьи сутки – ни единой особи... Буд-то у них там тревога по боевому расписанию. Да что там, я бы раньше почуяла, если б не ходила, как под декомпрессией. И вот ты мне с того света звонишь. Конечно, я невесть что подумала! Мало ли кто твоим голосом... А с другой стороны – вдруг правда? Схватила пистолет и бегом сюда... Все мозги в раскорячку...

– Оно и видно, – мрачно обронил Семен. – Стрелять в инспектора СОС – шухер на всю Луну.

– Пистолет не для него, – огрызнулась Жустин. – Если б звонок действительно оказался фальшивкой... У меня же все наши заказчики в голове. Если подстава – так лучше сразу. Живой бы не далась.

Семен прикусил язык. Да, конечно. Представить себе Жустин, стреляющий в человека он не мог. В лера еще пожалуй... Да и то вряд ли. Зато решимости вот так радикально прервать канал возможной утечки информации у нее хватило бы вполне.

– Прости, – произнес он. – Жус... Прости.

– За что? – удивилась она.

– За то, что не отправил «курьера». Честное слово, если бы знал...

– Пустое, – она легкомысленно махнула рукой, как будто все, о чем она только что говорила, с возвращением Семена рассосалось само собой. – Ты ведь здесь, это главное. Расскажешь, как у тебя прошло?

– Расскажу. Давай закажем уже что-нибудь. А то Монти удивляется.

Жустин совершенно машинально полуобернулась к мэтру, одарив того соответствующей улыбкой.

– Выбирай с первой страницы, – подсказал Семен. – Гонорар нам, надеюсь, перевели?

– Сполна, – кивнула Жустин. – Контракт в любом случае был тобой выполнен... Только я его чуть было назад не отправила. С комментариями.

– Ну не отправила и, слава богу...

Семен подчеркнул несколько блюд с первой, самой дорогой страницы. Потом перелистнул меню в винный раздел. Посмотрел, прищурившись на Жустин, прикидывая, чтобы сейчас пошло к ее настроению. Кивнул сам себе, добавил в заказ пепельницу с сигаретой, и вручил заполненное меню выросшему около столика официанту. Жустин подала свою папку.

– Слушай, Жус, – произнес Семен, – А вот с чего ты психанула так, а? Ну, сдох, бы я три дня назад, и что? Ты же девочка взрослая, самостоятельная. Деньги у тебя остались – на первое время перебиться. А потом работа тебя сама бы нашла. Такую наводчицу не то, что по Луне, по всей пери-

ферии поискать...

– Что? – переспросила Жустин, опешив. – Семен, ты...

– Ну, чего, все Семен-Семен? Тебя любой бы в долю взял. Вернее нет, ты бы еще сама напарника выбирала. Торгуясь и капризничая. Только слух пусти, Коготок-Жус, мол, освободилась...

Это была чистая правда, и Семен порой действительно не понимал, что держит при нем такую женщину. Красавицу? Да, не без этого, хотя и не топ модель, слава богу. Но главное, умницу, с веселым, легким характером в быту, и одновременно цепкую, предельно собранную, профессионалку с холодным безжалостным рассудком, едва речь заходила о деле. Семен был готов боготворить случайность, которая два года назад свела его с Жустин. Об истоках ее обширных связей и с чужими, и с людьми, да еще такого специфического круга, к которому принадлежали их заказчики, Семен мог только догадываться. Однако, его работа с тех пор стала вчетверо эффективнее. В том числе и в финансовом плане, хотя для него это ни когда не было главным.

Только вот на такую счастливую случайность вполне могла найтись и другая, несчастливая...

– ...Ты между прочим знаешь, что Руди-крематорий тебя у меня торговал? – продолжал он, все больше и больше опасаясь, что настала та самая неминуемая минута по истечении которой его недолгая успешная карьера перестанет быть успешной. А может и вообще перестанет быть. Однако при-

кусить язык он уже не мог. – Большие деньги давал! Мы с тобой таких еще не заработали... А еще можно азиатам стукнуть! Ей богу, через годик я бы не удивился, узнав тебя в их новой крестной. Представляешь, какие перспективы? Профсоюз опять же в беде бы не оставил...

Пощечина ударила словно выстрел. Господи, как дотянулась то через весь стол? Щека вспыхнула, посетители – все как один – повернулись на звук, мэтр застыл с раскрытым ртом на середине очередной байки о боевом прошлом ресторана, официант с подносом едва не споткнулся... Мало заботясь о том, что стала центром всеобщего внимания, Жустин встала со своего места, обошла столик, уселась Семену на колени.

Через секунду он поймал себя на мысли, что такой поцелуй, несомненно, компенсирует мимолетные болевые ощущения. Даже больше: если такова компенсация, то оплеухи от Жустин он готов получать по десять раз на день.

Землянин за столиком новичков присвистнул и поощрительно зааплодировал. Через секунду его девушка присоединилась, а за ней и леры, видимо решив, что стали свидетелями незнакомого любовного ритуала.

Жустин, наконец, оторвалась от Семена, перевела дух. Дотянувшись до сумочки, извлекла на свет носовой платок, изящно промокнула сначала свои губы, затем его...

– Значит так, рыцарь, – произнесла она, поднимаясь на ноги. – Во-первых: это был последний поцелуй по моей ини-

циативе. Во-вторых: если и правда попробуешь меня продать – пристрелю. Из этого самого ствола. Понял меня?

– Вполне, – выговорил Семен, пытаясь собраться с мыслями. – Слушай, Жус... А что это было?

Та спокойно вернулась на свое место, прищурившись, смерила взглядом его доступную для обозрения часть. Прощептала:

– Господи, какие ж вы все-таки мужики, козлы... Да, кстати! О всех попытках торга впредь прошу извещать меня лично. Я... свои меры приму.

– Ладно, – согласился Семен. – Договорились. Так ты, это... Тебе еще интересно?

– Само собой, – она кивнула головой, косясь на едва сдерживающего понимающую улыбку официанта, подоспевшего с заказом. – Рассказывай... Погоди, сигарета? Какого черта, Сема?

– Я подумал, что тебе сейчас будет не лишней.

– Будет, будет... Ты решил весь наш гонорар за один ужин спустить? Учти, свой процент я уже вычла.

– Я на это и надеялся. Подожди, не закуривай. Сигарета хороша к вину.

Жустин помедлила, отложила пепельницу со встроенной зажигалкой.

– И вино тоже?... – риторически переспросила она. – У нас все так плохо?

– Похоже, что да. Тем более после твоего рассказа о че-

тырех крайних сутках.

– Ясно... Ты скажешь, наконец, что произошло у леров?

– Скажу. Ни чего не произошло. Абсолютно. Такой идеальной операции у меня еще не было. Бизнес-конвой, четыре охранника и транспорт – конфетка, а не цель. Данные твоего заказчика оказались абсолютно точными. Ни секунды опоздания, ни единого лишнего перехватчика в эскорте, ни попыток маневрирования... Моего выстрела они вообще не заметили. Попадание пришлось в область тринадцатого шпангоута, ты же знаешь эти лерские корыта...

– «Центральная гайка»? – Жустин попыталась усмехнуться, хотя в голосе ее не было даже обычной издевки над незадачливыми оккупантами, не говоря уже о веселости.

– Именно. Точка, при попадании, в которую вся конструкция теряет жесткость.

– Дальше, – сухо бросила Жустин.

– Дальше ни чего не было. Когда корабль закончил разваливаться, все четыре охранника развернулись и ушли обратно к центру системы.

– К Лерону-прайм?

– Скорее всего. Проследить мне, знаешь, было недосуг... Подождал пока рассосется их кормовой след и начал разгон. Все.

– Так, – она рассеянно ковыряла вилкой золотистую шкуру настоящего запеченного в собственном соку земного карпа. – Допустим. И что тебе не понравилось?

– Так не бывает, Жус, – произнес Семен, мрачно наблюдая за гастрономическим святотатством. – Всегда что-нибудь идет не так, и это совершенно нормально. Клиент внезапно меняет привычки, и я мечусь по всему внешнему поясу, отыскивая новую удобную позицию. Или вдруг меняется ордер бизнес-конвоя, и вместо эскорт-охраны приходят эскорт-перехватчики, которые засыпают пространство поисковыми зондами. Или не удастся вписаться в «рельеф», и процент маскировки едва достигает пятидесяти... Ну или наконец я попросту мажу, потому что грамотный конвой-лидер ведет клиента контрснарядным маневром... Кстати, знаешь, теперь мне почему-то кажется, что тот транспорт в последний момент притормозил и нарочно подставил свой тринадцатый шпангоут. Иначе удар наверняка пришелся бы вскользь.

Она скривилась на секунду, будто готовая спохватить что-нибудь про излишнюю мнительность. Но потом видимо вспомнила собственные четверо суток и передумала.

– Куда? – только и проговорила она.

– Куда угодно. И как можно быстрее... Слушай, прекрати мучить рыбу! Не хочешь, давай мне. Впрок не наешься, но теперь, когда еще такую попробуешь.

– Обойдешься, – отозвалась Жустин, отправляя, наконец, еду в рот. – Куда угодно – не выход. В ничейном пространстве можно хоть год проболтаться – спокойно и безопасно. Но хватка за это время уйдет. Рынок на месте не стоит, свя-

зи имеют привычку рваться... Либо руку на пульсе держать, либо сразу на обочину. Ты к этому готов?

– Нет, – Семен качнул головой. И задал главный вопрос вечера: – Ты со мной?

– Черта с два, – просто ответила Жустин. – Это ты со мной, Сема. Думаю, для начала придется под Профсоюз полностью лечь. Временно, суток на тридцать-сорок, пока не прояснится. К Крематорию не лезь, я сама прошупаю, где у них теперь главная «малина»... Чего кривишься? Есть идеи получше?

Семен качнул головой. Идей получше у него не было. Если и можно было где-то отлежаться без особой потери квалификации, так это именно на блуждающих базах Профсоюза. Организации, объявленной вне закона абсолютно всеми известными правительствами освоенного космоса, однако заставляющей считаться с собой, как с реальной силой, не только конвой-лидеров, водящих караваны между звездами, но и адмиралов иных военных флотов. Земной, пусть даже демилитаризованный, и пресветлого Лерона флоты не в счет. А вот какие-нибудь нейтралы чи-при или далекие и загадочные дроффа даже патрулируя собственное пространство, частенько предпочитали прибиваться к эскадрам сильных мира сего. Ну, или приплачивать самому Профсоюзу за право свободного прохода патрульных ордеров.

Семен всегда предпочитал работать самостоятельно, но лучшей крыши для «переждать шухер», придумать было

невозможно. Только вот... было одно маленькое обстоятельство...

– Не выйдет, Жус, – проговорил он. – Я ведь тогда... В общем обидел я Крематория, когда продавать тебя отказывал. Сильно.

– Чушь, – отмахнулась та. – Руди – шестерка, местный смотрящий на «Сортировочной». Я знаю, кому позвонить, чтобы меня выслушали. Зря, что ли второй год профсоюзные взносы с каждого заказа перечисляла?

– Взносы? – Семен растеряно почесал переносицу. – Жус, ну ты даешь... Умница ты моя!

– Умница, умница, – согласилась та. – Хоть бы тост за это поднял. А то когда еще теперь виноградного вина попробуешь?

По всему выходило, что уносить ноги с «Сортировочной» нужно было немедленно. Бросать недоеденного карпа, рвать в посадочный сектор и звонить в Профсоюз уже с орбиты. Станный интерес департамента Содействия к делам пригревшейся на Луне мелкой полукриминальной шушеры, неизбежной при наличии значительного грузооборота и практическом отсутствии полицейского контроля, не то, что настораживал – пугал. Очень все походило на марсианскую зачистку, устроенную СОС чуть меньше двух лет назад. Дело было достаточно громкое, чтобы вызвать широкий резонанс в обществе, не ограничиваясь слоями, которых оно

непосредственно касалось...

Марс – притча во языцех. Неизбежный кандидат для первого по настоящему межпланетного полета (Луна не в счет), для строительства первой внеземельной базы, сначала исследовательской, а после и военной, для основания первой же и единственной полноценной колонии человечества... Ну и, как уж водится – первый и опять таки единственный межпланетный очаг сепаратистских настроений. Не важно, что жизнедеятельность и некое подобие комфорта возможны только за счет поставок с Земли. Свобода, независимость, возможно даже равенство и братство – вот идеалы истинного патриота. Ну и демократия, само собой, куда ж без нее. А что на Марсе к тому времени едва начало меняться первое поколение колонистов – плевать. Патриотизм дело наживное. Особенно когда появляется возможность продавать бывшей земной родине жирную марсианскую нефть, вместо того чтобы поставлять ее по вахтовому графику в обмен на радионуклиды и картошку. Лет пять Земля терпела – пока достраивался первый в истории человечества военно-космический флот и готовился десантный корпус. А потом...

До полномасштабного развертывания операции «Возвращение к истокам» дело не дошло лишь по одной причине – появились чужие. И уже через пару лет, едва придя в себя от притока инопланетных технологий – абсолютное топливо, контроль гравитации, методика межзвездной навигации – человечество совершенно неожиданно для себя на долгую

дюжину лет погрязло в войне с Лероном. Марсу в то время пришлось несладко. «Возвращение к истокам» ему больше не грозило, но вместе с этим оказались предельно урезаны любые поставки, Земля гнала все доступные ресурсы в оборонку. А потом, «за два дня до победы» (по меткому выражению командира линейного крейсера «Александр Великий») Земля капитулировала. Выставила десятки условий: об отсутствии репараций, об ограничении прав оккупационных сил, о привилегиях некоторым своим силовым ведомствам, о сохранении территориального, национального, экономического и политического статуса... Подобная капитуляция была большим позором для самого Лерона, чем для Земли. И все-таки каринал-вершитель ее принял, поскольку альтернативой был немедленный и окончательный разгром «Сил привнесения света» и высадка земного корпуса прямоком на крышу его дворца.

От обиды на собственных правителей человечество скрипнуло зубами. Показательно разгромило несколько посольств чужих, устроило полугодовой пикет здания Межконтинентального парламента, плюс всякие мелочи, типа акций неповиновения по центральным площадям национальных столиц, ксенофобских бунтов неоглобалистов и показательными выходами из состава мировых законодательных органов... Однако вскоре выяснилось, что леры не жрут живьем человеческих младенцев, да к тому же кусок хлеба и толщина слоя масла на нем для обывателя по прежнему за-

висят от продолжительности его рабочего дня, а вовсе не от жадности злобных оккупантов. Тогда человечество плюнуло и занялось своими делами. Тем более, кто вообще этих оккупантов видел? А? Нет, в лицо, а не по ящику? Ты, Джон видел? А ты, Иван? Или может быть ты, Пьер? Ну а раз нет, так и черт с ними совсем. Да, кстати еще и оборонный налог обещают снизить, в связи с сокращением военных расходов! Вот заживем!..

А Марс не успокоился. Объявил себя портом беспошлинной торговли и вольного негоцианства, подгрел десяток взбунтовавшихся против капитуляции экипажей вместе с их сторожевиками и миноносцами, разметил орбитальное пространство под платные рейды для земных и лерских кораблей...

Как раз тогда, два года назад, совсем еще юный департамент Содействия Оккупационным Силам отчаянно нуждался в громком деле для наращивания капитала влияния. Межконтинентальный парламент дал добро, и... Нет, Марс не захлебнулся в репрессиях. Агенты и инспектора Содействия работали ювелирно точно: всех авторитетов, обнаглевших контрабандистов, вместе со скупщиками и крышующей их полицией, всех откровенных пиратов – на Землю в Страсбург, в руки уголовного правосудия. Политических организаторов, руководителей месткомов вместе с идейными бомбистами, постоянно достающими немногочисленный лерский гарнизон – тоже на Землю. Но уже не в Страсбург.

Древний лихтеровоз, временно переоборудованный в тюремный транспорт, при совершении динамического маневра по корректировке околоземной орбиты неожиданно развалился пополам. Агрегатный отсек, в котором – вот удача – как раз собралась вся команда и охрана, остался на эллипсе и, сутки спустя, был подобран бортом МЧС. Головная часть транспорта вместе с пятью трюмными камерами по сотне человек в каждой, сошла с орбиты и рухнула в Тихий океан. Спасательные работы виду их полной бессмысленности не проводились.

Вполне громко и резонансно. Земной обыватель, лишенный политиками и адмиралами большой победы, сглотнул вместо нее маленькую и улыбнулся пошире. Угроза сепаратизма уничтожена, рассадник криминала и пиратства зачищен, человечество снова едино. Аминь! Оккупанты почесали в затылке и безоговорочно признали за департаментом СОС право на условно демилитаризованный флот и внутри-системные силовые акции без предварительного согласования. Но это в результате.

А начиналось то помнится примерно так же как сейчас на «Сортировочной»: одинокий инспектор, аккуратная работа с местной шушерой, сбор или скупка информации об авторитетах и крышующих... Доказательствами Содействовцы себя и на Марсе не сковывали, и на Луне не будут. Высадка, мгновенная разработка адресов и явок, тюремный транспорт, Страсбург. Ну, или Тихий океан, смотря по тому на-

сколько показательным должен быть эффект.

В общем, бежать с «Сортировочной» действительно нужно было сразу. Однако Семен решил, что на одну сигарету для Жустин время еще есть. Да и допить бутылочку, закусив долькой живого нектарина... И в общем не прогадал. Деловой разговор, слава богу, не склеился, все главное, в общем, было сказано и переливать лишний раз из пустого в порожнее – какой смысл? Да и куда приятней оказалось просто сидеть за столиком, потягивать драгоценное вино, любоваться женщиной напротив с длинной тонкой сигаретой в изящных пальчиках...

– Что у тебя есть на корабле? – поинтересовалась Жустин, придавливая окурок в пепельнице.

– Все, – самонадеянно заявил Семен, подивившись мимоходом проявленному интересу. Уж чем-чем, а пустым любопытством по поводу технического устройства их основного средства производства Жустин ни когда не страдала, благо разумно оставляя заботу о железе партнеру. – Движки «Повер динамик», почти новые, в прошлом году в них топки сменил. Навигатор старый, доконверсионный. Надежный аппарат. К тому же недавно прошивку обновил, карты кое-какие добавил. Пост маскировки... Хороший пост, после войны таких, пожалуй, больше и не делают. Леры слюной бы изошли. Ну, что еще?... Допконтейнеры для топливных элементов с приводами «горячей дозаправки», система рециркуляции – усиленная, без ограничения срока жизнедеятель-

ности. Два поста ближней обороны... обезоруженные правда. Но это уже так, по мелочи. Боевую надстройку я на полпути сбросил, надо будет подобрать обязательно.

– И все? – удивилась Жустин, внимательно, но равнодушно выслушав перечень. – Слушай, к чему мне все эти твои железки? Ты лучше скажи, что мне брать с собой? Ванная у тебя там есть?

– Н-нет, – выдавил Семен, опешив.

– А каюта хотя бы отдельная?

– Ну... Хочешь мою займи. Капитанскую. Я в рубке пока перекантуюсь.

Жустин сморщила носик.

– Представляю себе этот холостяцкий хлев... Душ, туалет, кухня?

– Слушай, какая кухня, Жус? У меня же диверсионный корвет ограниченной автономности – экипаж четыре человека вместе с капитаном. Поиск замаскированных объектов, патруль раннего предупреждения, короткие диверсионные акции – семь суток боевого дежурства и обратно на эсминец заправляться. Какая там к чертовой матери ванная?

– Ясно, – проговорила Жустин. И упрямо повторила: – Туалет, душ?

– Душа тоже нет, – сообщил Семен. – Нормой расхода воды не предусмотрен.

– Ну и калоша, – она вздохнула. – Как же ты все это время, бедный?..

– Когда мне понадобится душ, я куплю круизный лайнер, – разозлился Семен. – А пока так обхожусь. Тем более что на деле обычно бывает не до душа.

– Так уж и купишь? – усмехнулась Жустин. – Ладно... Когда будешь готов к отлету?

– Да хоть сейчас. Топливо должны уже загрузить, я следующий старт обычно оплачиваю сразу после посадки.

– Хорошо. Тогда сделаем так. Встречаться больше не будем. Завтра с утра, часиков в шесть поднимайся на орбиту и жди старта «барракуды», – она выразительно кивнула в сторону леров. – Уверена, такую рыбку ты не пропустишь. Я буду на борту, куплю каюту, якобы для перелета... Ну в общем узнаю, куда они там летят. Сутки повиси у них на хвосте, потом возьмешь посудину на абордаж и украдешь меня... – Жустин завела глазки к потолку, просмаковав последнюю фразу. – Смотри-ка, даже для романтики место нашлось.

Семен подумал. Потом кивнул.

– Хитро. Леров не досматривают, декларации о грузах и пассажирах они не подают. Если Содействие тебя хватится – а оно хватится, всегда найдется, кому заложить – то очень долго не смогут понять, куда ты делась.

Жустин кивнула.

– Департамент предпочитает молниеносные операции. На того, кто не попадется сразу, скорее всего попросту плюнут. На тебя так точно, тем более что меня на борту не будет.

– Взлетим вдвоем – привлечем внимание. Жус, ты снова

умница, жаль вино кончилось. Денег на билет у тебя хватит?

– Наверняка придется потратить весь гонорар, – она хитро улыбнулась. – Но ты ведь зарабатываешь еще, рыцарь?

– Ну, если подкинешь работенку... Завтра в шесть не поздно? У Скарлатины нюх на проблемы, не зря же он снялся порожняком и впопыхах.

– От суток до трех инспектору еще понадобится на раскрутку, – Жустин потянула к себе сумочку, поднялась. – Раньше завтрашней ночи десанта по любому не будет. А я как раз позвоню везде... Успеем. Все, не провожай...

Семен проследил за тем, как она покинула зал, приласкав по пути взглядом мэтра, который тут же расплылся в ответ. Поймал себя на глуповатой улыбке вслед, размял лицо и подозвал официанта.

Н-да... если б знать заранее, что Жустин понадобится каюта на лерском транспорте, гонорар стоило бы поэкономить. Еще секунду Семен мялся, потом достал свою резервную карточку, и расплатился с другого счета. Хорошо, что Жус ушла, иначе появились бы опасные вопросы, которых он успешно избегал в течение двух лет совместной работы.

На выходе из зала ресторана он снова остановился в раздумьях. По окончании очередного дела стоило бы по обычаю залечь на дно недельки на три-четыре. Хороший повод отправиться в особняк в «Море Спокойствия» принадлежащий – вот удача – тезке и однофамильцу, да еще по всему виду и абсолютному близнецу вплоть до папиллярных ли-

ний и генетического кода.

Особняк на открытом лунном грунте, это не просто дорого. Это за пределами всякого понимания о рациональности и целесообразности. Стоило углубиться на десяток метров под поверхность, и жилище такой же площади обошлось бы в десятки раз дешевле. Но... Но! Разве тогда это было бы настолько круто? Для Семена Сикорски – того самого, однофамильца и близнеца – это было бы безвозвратной потерей лица.

Да, провести жилище было бы надо. Присматривать там конечно было кому – экономить на воздушном и водяном пайке для прислуги в таком доме значило бы лишь привлечь к нему внимание. Но, все же, хозяйский глаз, есть хозяйский глаз... Тем более когда еще теперь доведется.

Семен вдохнул и повернул в сторону лифта на нижние горизонты. Там другой его однофамилец, правда, с уже совершенно иным социальным статусом, снимал квартиру. Квартирку... А если уж совсем честно – комнату со встроенным санузлом, у которой было только одно преимущество – Жустин о ней знала и, морща носик, могла в любое время посещать «этот холостяцкий хлев», хотя и не злоупотребляла такой возможностью. Для деловых переговоров и стратегического планирования предпочитала приглашать партнера к себе во вполне приличную квартиру (действительно квартиру) на втором уровне от поверхности. С одной стороны, достаточно престижно, а с другой – все еще не запредельно до-

рого. Ее доли гонораров на оплату вполне хватало.

У своей двери Семен снова взгрустнул на секунду о теперь уж точно недостижимой возможности расслабиться в приличной обстановке, позабыв на время о построении новых планов насчет куска хлеба насущного. Покой, виды на земные и солнечные закаты, еда, о стоимости которой не нужно заботиться. Старина дворецкий, крепко знающий свое дело и к тому же искренне уважающий своего молодого хозяина... Что еще надо для счастья? Так нет же! Будет однокомнатная клеть, восемь часов беспокойного сна, и опять корабль, находясь в котором строить планы дальше послезавтрашнего дня вредно для нервов. Не в силу отсутствия надежности аппарата, а в силу его назначения.

Пнув откидную кровать, Семен увалился поверх затянутых в пленку простыней и одеяла. Не раздеваясь, и не ставя будильник. Жус права, сутки спокойствия у «Луны-Сортировочной» еще есть. Пока инспектор наметит цели, составит график, расставит людей по местам – полиция будет подчиняться ему беспрекословно, но возможно потребуется усиление. Потом последует молниеносный удар. Рядовому нарушителю закона, как ни странно, ни чего особенного грозить не будет. Но если ты держишь этаж, контролируешь хотя бы двух-трех толкачей биксоидной дури (да хотя бы и просто марихуаны), а уж тем более собираешь дань с магазинов и кафешек центрального коридора... В общем понятно. Крематорию кстати первому тикать надо бы, неужели не почувал

еще? Контрабанда и оружие, отдельный разговор. Здесь выгребут всех до самого мелкого курьера. Дело-то почти политическое – подрыв доминирования леров на торговых перевозках, а то и вовсе подготовка к террор-акциям. Но... Но в принципе на этом и все. Ни тебе сепаратистов, ни инсургентов, ни, упаси господи, коллаборационистов на «Сортировочной» нет. Ни какой революцией и в помине не пахнет. Вопрос: на кой черт это надо департаменту Содействия – исключительно политической карательной структуре? Ответ: да хрен его знает. Главное не проспать и не упустить «барракуду». А там – перетопчемся как-нибудь ...

Звонок в дверь раздался около трех ночи. Семен открыл глаза, как будто и не спал – на первую же коротенькую трель. Машинально похвалил самого себя, что лег не раздеваясь, дотянулся до совершенно законно зарегистрированного тайничка с газовым пистолетом. И лишь потом щелкнул пальцами, включая домофон.

– Кто?

– Сема, открой это я.

– Жус?... – мысли моментально сорвались в галоп. Не бывает, так не бывает. Нет, конечно тот поцелуй в ресторане... Но ведь и два года деловых и даже дружеских, но чисто платонических отношений... Да и не в этом же «холостяцком хлеву». – Погоди, я не одет... Что-то случилось, Жус?

Тайничок открывался легко и бесшумно. Баллон в писто-

лете он менял давно, давление упало почти вдвое. Ну хоть обойма с пулями полная. Предохранитель, боевой взвод...

– Сема, я вот еще вина взяла... Открой, мне что-то страшно стало...

Ну да, правильно... Точнее совсем, абсолютно не правильно! Как же так, умница? Почему же мы ошиблись?

Семен приблизился к двери. Домофон у него был, как и положено, двусторонним. Вот только глазок внутреннего объектива давно перекосялся и смотрел в боковую стену, однажды он очень удачно попал в него ботинком в ответ на неурочный приход контролера-водопроводчика. Внешний объектив работал исправно. Вот только не сейчас. Потому что одно дело заставить человека произнести заранее подсказанный текст, и совсем другое – показать при этом камере его лицо.

– Жус... – выдохнул Семен, – Как же тебя, Жус...

Сомнений не было. Была лишь обида, что вот так запросто, так глупо. И еще немного жаль особняка на открытом грунте. После того, что сейчас произойдет в грязноватых коридорах третьего жилого класса, ни какой двойник Семена Сикорски не выживет. Даже просто однофамильцам некоторое время будет неудобно под излишне пристальным вниманием Департамента, а уж самому оригиналу останется лишь навсегда исчезнуть из цивилизации людей...

Семен обогнул кровать, приблизившись к переборке между его и соседней комнатой. Хилой переборке, предельно

звучо— и даже воздухопроницаемой — герметичностью личных помещений, как двумя этажами выше, здесь ни кто не озабочивался и «доработка» этой переборки в свое время много проблем не доставила. Благо соседнюю квартиру занимал некто Джон Иванов, вечно отсутствующий торговый агент, то и дело просящий своего соседа оплатить жилье еще на декаду вперед, принять очередную жилинспекцию, или даже сбросить от его имени очередную налоговую декларацию. В прошлый свой приход контролер, помнится, даже выразил желание наконец-то повидать господина Иванова лично, усомнившись при этом, что помещением действительно кто-то пользуется. Семен тогда лишь виновато развел руками, отметив, что еще через пару приходов это действительно станет проблемой.

Теперь не станет.

Лист обшивки послушно разошелся по заранее намеченному шву. Проводка и трубы, обрывки звукоизоляции — все давно раздвинуто и подвязано по краям лаза. Обшивка со стороны соседней комнаты не тронута, но здесь уже можно немного пошуметь. Этот путь отхода в любом случае был одноразовым, и ни для чего более, кроме как дать минуту форы, не предназначался.

Квартира Джона Иванова располагался на перекрестке коридоров, и дверь его удачно открывалась за угол. С оружием наизготовку Семен шагнул через порог. В исходе следующих трех-четырёх секунд он не сомневался. Газовое оружие — не

предел мечтаний террориста, но на двух-трех полицейских баллона хватит. Может и инспектору достанется. А больше там и нет ни кого. Не просить же у леров отделение пехотинцев ради ареста одного единственного... Ведь нет же?..

Угол близко – пара шагов, но отсюда его не ждут. А десять метров не то расстояние чтобы мазать или долго целиться. На вскидку, от бедра...

Первому досталось в шлем – повезло, отделается контузией.

Второму вошло в левый бок, между грудной и спинной пластинами жилета. Жаль мужика – не жилец.

Третий успел опасно повернуться, вскидывая короткоствольный полицейский «Мухобой», идеальный для тесных помещений с опасностью разгерметизации. Короткий окрик «не стрелять!» он игнорировал. Семен, впрочем, тоже.

Коленная чашечка, локоть, правая кисть... Трех выстрелов было жаль, но хотя бы «мухобой» теперь не опасен.

Остатки баллона Семен вогнал в инспектора, который кроме запоздалого приказа не успел совсем ни чего. Форменный китель, совсем не то что бронежилет, но и пистолет уже бил не сильнее травматика, теряя мощь с каждым выхлопом. Вот только пяток таких пуль у кого угодно отобьют охоту вставить на ноги.

– Жус! Ко мне! – крикнул Семен.

Та уже бежала навстречу, как-то ухитряясь не перекрыть линию огня.

– Придурок!.. – она попыталась отвесить ему оплеуху, но на этот раз Семен перехватил руку, – Ты что наделал, Сикорский?! Нападение на сотрудника при исполнении!.. Они же тебя даже брать не собирались!.. Да ты теперь труп ходячий, Сема!

Семен немного вывернул кисть, Жустин пискнула и затихла.

– За мной, – коротко бросил он, отступая за угол, и увлекая ее за собой.

Последний раненный полицейский левой рукой тянулся к «Мухобою», давать ему шанс не стоило.

– Сикорский! – инспектор пытался приподняться на локте. – Сикорский, стойте! Послушайте её, я хочу только поговорить!.. Отставить огонь, идиот!..

С последними словами Семен отшатнулся, и в стену коридора хлестко простучала короткая очередь «Мухобоя». Обшивка пошла вмятинами, по полу запрыгали деформированные, не дающие рикошетов шарики боезапаса.

– Брать не собирались? – процедил Семен. – Вот теперь верю. Не отставай!

Не выпуская ее руки, он побежал. Этот маршрут тоже был выверен и просчитан заранее. Мимо вакуум-переборок, перекрываемых по команде с пульта, обходя оживленные перекрестки с обилием камер наблюдения, огибая контрольные пункты передачи воздушного довольствия из одного сектора в другой... Прочь из спальных районов и глубже, глубже.

Туда где перекрыть что либо решаться лишь в случае полномасштабной облавы, либо реальной разгерметизации, где наблюдение ведется только за весом, скоростью и количеством, но ни как не за отдельными людьми, где даже инспектор Содействия может получить власть лишь официально подчинив себе всю полицию, спец- и техслужбы «Луны-Сортировочной». На нижний грузо-транспортный горизонт – часть бывшей системы доставки топлива, боеприпасов и прочей военной амуниции со складов на стартовые площадки.

Семен тащил едва успевающую перебирать ногами Жустин по коридорам и лестницам, прыгал с этажа на этаж через люки системы вентиляции, даже впихнул пару раз упирающуюся Жус в раструб мусоропровода... Скорость была важнее скрытности, и они бежали классическим драпом, без оглядки. Распугивая немногих полночных прохожих, кого разряженным пистолетом в руке, а кого и просто бешеным взглядом... Получалось быстро пожалуй даже быстрее чем в расчетах. Но Семен все равно не верил, что они успеют.

Свою главную ошибку он осознал уже на полпути, когда возвращаться стало поздно. Он оставил инспектора в сознании. Нет, убивать было не обязательно, но засадить рукояткой по темечку – в самый раз. Потому что дойти до корабля, как ни торопись – минут пятнадцать-двадцать, а ему нужно лишь пару слов в телефон, чтобы поднять на ноги всю полицию, перекрыть коридоры (ну не обойдешь ты все переборки, как ни извращайся!), а то и вовсе остановить работу

порта. Лерские грузовики сделают несколько лишних витков по орбите, каботажная мелочь задержится на пару часов на грунте. Ерунда. Первым правительство выплатит неустойку, на вторых попросту наплюют. Зато департамент получит то, что хочет. Верняк. Без вариантов. Потому что куда ты, в общем-то, денешься на безатмосферном спутнике?

Закрываясь локтем от ревущего воздушного потока в лицо, Семен съехал по очередному воздуховоду, пнул последнюю на пути решетку и вывалился в широкий полутемный тоннель. Тут же сгруппировался, вскочил и подхватил свалившуюся следом Жустин. Не очень удачно – та пискнула приложившись коленкой о грунт. Нет, не о пол – именно о грунт. Тоннель в свое время был вырезан в скале и в силу своего назначения в декоративном интерьере не нуждался.

– Ну? – взвизгнула близкая к истерике Жустин, – Что дальше, партизан? Ты хоть понимаешь, что здесь мы и сдохнем?..

– Для начала голову ниже! – скомандовал Семен, перекрикивая быстро нарастающий шум. – Вагонетки идут с интервалом в полминуты – не важно, пустые или полные! Монорельс низко, не пригнешься – снесут скаल्प!

Жустин послушно упала на корточки, обхватив голову руками. Семен просто прижался к покатой стене, пропуская мимо лица, что-то большое, быстрое, оглушительно громкое.

– Отсюда налево, – произнес он, когда грохот изношенной

колесной подвески утих до уровня возможности разговора. – Недалеко, минут пять. Там выход к техникам. Возьмем пустилазники и в корабль.

– Вот там нас и повяжут, – огрызнулась Жустин.

– Могут, – согласился Семен. – А может, и нет. Давай вперед, и про голову не забывай.

Тоннель был темным, автоматический транспорт в освещении не нуждался. Редкие дежурные лампы могли сойти лишь за смутные путеводные ориентиры – когда одно пятно бледного голубого света оставалось позади, прямо по ходу едва начинало брезжить следующее. Про пять минут Семен преуменьшил. Про техников – наврал. Надежда была лишь на плохое чувство времени Жустин в условиях стресса. На последнем этапе бегства людей следовало избегать особенно тщательно.

Насчитав три десятка обогнавших их вагонеток, Семен почувствовал, что пространство вокруг расширилось. Оценить пройденное расстояние в темноте было трудно, но по времени вроде все сходилось.

Стена за спиной вдруг кончилась как обрезанная и потерявшая равновесие Жустин, вцепилась ему в плечо.

– Что это? – Резко бросила она. – Мы где?

– Развязка, – спокойно пояснил Семен. – Здесь должна быть большая развязка. На «Луне-44» была отличная система снабжения. Полностью автоматическая, почти невозможно что-нибудь своровать. Леры очень любят здесь разгру-

жаться. Ни когда не интересовалась такими подробностями?

– Ковыряться в железках – твоя работа, – отрезала та.

– И прокладывать курс, – подсказал Семен.

– Да.

– И спускать курок.

– Да... Черт, я же не об этом!

– Ладно, проехали. Здесь пока направо.

– А дальше?

– Дальше посмотрим.

Но Жустин не унималась.

– К каждой площадке ведет свой коридор, так?

– Да. Грузовые элеваторы автоматические, люки и контейнеры унифицированы. Нас ни кто не увидит. Голову ниже!..

Они уже вошли в новый тоннель, по которому, грохоча, надвигалась очередная вагонетка. На этот раз спереди.

Потом попалась новая развилка. Семен подумал и свернул налево. Вагонетки стали попадаться реже – поток из главной транспортной артерии базы, рассасывался по капиллярам. На очередной развилке, пока Семен изучал едва различимую в свете далекой лампы маркировку четырех сходящихся в единый пучок тоннелей, Жустин вдруг произнесла:

– Ни чего не понимаю.

– Я тоже, – согласился Семен. – Как сейчас помню, на «С-43» швартовался... А тут «В» и сразу «D»...

– При чем тут швартовка? Я про инспектора!

– Да?.. – рассеянно переспросил Семен. – Ну и что там

про инспектора?..

– Почему мы до сих пор на воле? – в лоб спросила Жустин. – Покушение на сотрудника Содействия! Десять минут в «спальнях» и еще столько же в катакомбах... Да из этих туннелей уже воздух должны были откачать!

– Во-первых, после того мусоропровода они могли нас потерять. А во-вторых...

– А во-вторых – все это чушь, Семен! Уж тебе ли не знать – на Луне потерять человека нельзя! А уж тем более двоих и с оружием. По пути из «спален» твой пистолет опознали с десятков камер!

– В грузовых туннелях камер нет. Только сканеры электронных меток на контейнерах.

– Да черт с ними с камерами! Любой мало-мальски опытный полицейский вычислит нашу цель за десять секунд! А в инспектора Содействия дураков не берут.

– Правильно. Вот теперь ты знаешь, что я чувствовал, глядя, как эскорт-охранники разворачиваются обратно к Лерону.

– Не бывает? – переспросила Жустин.

– Не бывает, – согласился Семен. – Так, сюда пошли. «В» дальше раздваивается, найдется и наша буква.

Буква нашлась почти сразу, десятка через два шагов. Новый боковой тоннель полностью тонул во тьме, маркировки здесь было уже не различить.

– Ты бы, партизан, хоть фонарь захватил, что ли... – проворчала Жустин.

– А ты бы лучше мне позвонила, прежде чем открывать полицию, – огрызнулся Семен. От осознания ее правоты получилось грубовато. Любая дверь на «Сортировочной» перед полицией открывалась сама собой, а фонарь он вполне мог приготовить заранее, так же как и лаз в соседнюю квартиру. Ну, вот не подумал! Нельзя же предусмотреть абсолютно все!

Жустин фыркнула и первой шагнула в темноту.

– Голову ниже!.. – напомнил Семен, и поспешил следом ведя рукой по стене, вслух отсчитывая ниши элеваторов.

На третьем десятке он все-таки сбился, когда над головой промчалась заблудшая вагонетка. Кому-то на стоянках малотонажников именно сейчас понадобилось обслуживание!

– Тина! – жалобно позвал Семен, – Тина, стой! Надо вернуться, я сбился со счета.

– Ну и что? – раздалось из темноты впереди. – Велика важность...

– Ты тоже считала? – с надеждой ухватился он.

– Нет. Но ты же говорил цифры. Где-то 33 или 34..

– Нужно точно. Не то выйдем наверх в чистом поле... –

Семен прикусил язык, едва не сболтнув лишнего. Но Жустин на оговорку внимания не обратила.

– Не надо точно, – проворчала она. – Там свет за углом. Начнешь оттуда считать.

Семен сглотнул и поспешил обогнать слишком легкую на ногу спутницу. Свет за углом это хорошо... если он от де-

журной лампочки. А если нет? Полиция ведь прихватит фонари не забудет.

Считать заново не пришлось. Дежурная лампочка горела строго напротив элеватора с маркером «С-43». Ручное управление механизмами подачи грузов, оставленное на всякий пожарный случай, пришлось очень кстати.

– Лезь сюда, – распорядился Семен, указав на решетчатую платформу. – И послушай, пожалуйста, внимательно. Я сейчас нажму кнопку, и мы поедem вверх. Далеко, метров сорок. Хватайся и держись... ну вот за эту железку что ли. Так... Наверху будет шлюз с очень быстрым циклом декомпрессии.

– Декомпрессии? – выдохнула Жустин. – Семен, какого черта?..

– По-другому ни как, Тина, – быстро проговорил он. – Надо будет минутку потерпеть, понимаешь? Это грузовой шлюз. Хорошо, что он вообще есть, станции не выгодно терять воздух при перекладке контейнеров. Цикл действительно быстрый – секунд двадцать, не больше...

– Семен...

– Главное, зажмурься!.. – перебил тот, не давая возможности возразить. – И не пытайся удержать воздух в легких, выдохни изо всех сил. Поняла меня!

– Поняла... Семен! Там же за шлюзом открытый грунт!..

– Люк подачи стандартизирован с корабельным! Элеватор впихнет нас в корабль, и оставит на платформе. В корабле грузовой шлюз тоже очень быстрый.

– Декомпрессия... – прошептала Жустин. Страшнее слова для жителей лунных баз не было. – Ты так уже делал?

– Нет. Но ребята говорили, что делали.

– Кто?

– Пауль, из доковой бригады, – честно сказал Семен. – Безо всякой погони, на спор. Попытался задержать воздух и неделю провалялся в госпитале с кровоизлиянием в легких.

– И сдох там! – крикнула Жустин. – Я видела этот выпуск новостей!..

Вот на это Семен ни как не рассчитывал. Он прыгнул на платформу, прямо навстречу Жустин, пытавшейся проделать прямо противоположное, подхватил, прижал к вертикальной стойке. Кнопку запуска подъемника пришлось пнуть ногой.

– Пусти, идиот! Да пусти же, я останусь!.. – инспектор департамента Содействия Оккупационным Силам явно был менее страшен, чем открытый грунт.

– Поздно, Жус? – заорал он в самое ухо. – Уже поздно, слышишь? Дороги назад нет! Помни, что я сказал! Глаза зажмурить, воздух выпустить!.. И рот открой, не то барабанные перепонки наружу выдавит! Да чему я тебя учу, в конце концов!?.

Элеватор действительно работал быстро, без излишних церемоний, свойственных предупредительным пассажирским лифтам. Стартовое ускорение едва не поставило их обоих на колени. Финальное торможение – почти бросило к

закрытому пока внешнему люку. Нижние створки сошлись с лязгом голодных металлических челюстей, и воздух с ревом рванул сквозь решетку вакуумного насоса.

Жустин закричала, и Семен как-то отстраненно отметил, что это хорошо: вдохнуть снова ей будет уже нечем, значит, задержка воздуха в легких не грозит.

Так, что же дальше?.. Десять секунд и внешние створки распахнутся так же стремительно, как закрывались нижние. За ними приемный шлюз корабля... Либо – открытый грунт. Мало ли почему? Ошибся с номером стоянки, борт перегнали по требованию инспектора... Это все, это конец. Не такой уж мучительный, кстати, больше пятнадцати секунд в сознании на открытом грунте еще ни кто не продержался. Тело еще будет рвать судорога, сердце, надрываясь, две минуты сможет качать кровь, мышцы и мягкие ткани успеют наполниться испаряющейся внутри самой себя жидкостью и раздуться вдвое...

Но мозг этого уже не почувствует. Легче чем в рубке эсминца, сгорающего под огнем лерской лазерной батареи. Быстрее и гуманнее чем от лучевой болезни после удара гамма-ускорителей флагмана «Карающая десница»... Вот только все равно не хочется!

Ну... Ну же!..

Внешние створки распахнулись беззвучно – воздуха в шлюзе уже почти не было. Декомпрессия навалилась много-тонным прессом. Сразу отовсюду, на каждую клеточку па-

рализованного страхом тела – именно так сбитое с толку сознание интерпретировало полное отсутствие атмосферного давления. Семен успел открыть рот, но уши все равно заложило плотнейшим войлоком вакуума – человек не привык к настолько идеальной тишине.

Космос коснулся обнаженной кожи прохладным влажным языком – с поверхности тела интенсивно испарялась влага. Жгучего, обжигающего холода не было. Вопреки заблуждениям не покидавших пределы атмосферы обывателей, вакуум не холодный. В нем вообще нет температуры – нельзя ведь измерить температуру пустоты. Ни единой молекулы, способной поделиться энергией с градусником, или отобрать хоть капельку тепла у живого тела... Лишь прохлада испаряющейся влаги, да еще будто ледяной воды набрал в носоглотку – со слизистых испарение шло интенсивнее.

И бешенный, не замутненный фильтрами свет низкого закатного солнца, ослепляющий прямо сквозь веки! Ни чего, терпимо...

Вот только было бы, чем дышать!

Легкие сокращались и расширялись судорожно, рывками. Такого не испытывает даже утопающий, в его грудь хоть что-то поступает. Но на открытом лунном грунте...

Семену казалось, что он все еще держится за балку платформы, еще прижимает к настилу Жустин, еще мыслит и даже может быть что-то контролирует... На самом деле судорога уже бросила его на железо. Пальцы скребли по пустой

грудной клетке, и царапины немедленно исходили красным туманом сквозь разодранную рубашку. А глотка до спазма надрывалась в последнем, безнадежном крике... Крике, которого не было.

Потом откуда-то сверху напозла массивная тень, жесткий металлический лязг отозвался во всем теле, и сознание наконец-то милосердно отключилось.

Кто-то звал его по имени. Кто? Зачем? Кому это может быть важно в этой багровой тьме, пронизанной болью каждой мышцы, каждой ткани тела?

Непроизвольное сокращение грудной клетки – через горло свистит такой вязкий, такой сладкий воздух... Воздух корабельного шлюза, пропитанный неистребимым резко химическим запахом загружаемых сюда топливных элементов из пирокинетика.

Натужное биение сердечной мышцы, толчками качающей боль в головной мозг. Раз... Раз... Раз... Неизбежно. Если жив – терпи. И ни какого выбора... Слава тебе господи!

– Семен...

Он вслушался. Сложная это штука – подсознание, такие вот у него тупые шутки. Потому что откуда здесь?.. В разгерметизированном грузовом шлюзе?..

– Семен...

Черт. Черт!..

Он рывком сел, разлепил до сих пор рефлекторно сжатые

веки.

– Семен... Где?... Семен...

Жустин лежала тут же, у самого бока. С поджатыми к животу коленями, закрывая покрасневшими ладошками лицо.

– Где мы?... Семен, где?..

– Здесь, – выдохнул он сквозь шершавое словно наждак горло. – Тина, я здесь! Все кончилось. Поднимайся, надо идти.

Непослушными, толстыми, как сосиски, пальцами он взял ее за руки. Ни чего, могло быть хуже. Не затянутые одеждой части конечностей после минутной декомпрессии легко раздувались вдвое.

– Поднимайся, Тина. Некогда...

– Семен, – она всхлипнула радостно и одновременно как-то виновато. – Семен, я... Прости...

Он уже и сам видел. Жустин опустила ладони и послушно села. Широко раскрытые глаза удивленно смотрели в переборку за его спиной. Белок подернулся плотной кровавой сеткой, зрачок расширился во всю радужку. Что стало с сетчаткой, страшно было даже подумать.

– Ты смотрела? – зачем-то переспросил он. – Черт! Зачем, Жус?!.

– Страшно стало, – сказала она. – Очень страшно. Хотела увидеть корабль. Прости...

– Так... – пробормотал он. – Так, без паники, Жус. Это лечится. Только доберемся до... до...

Он прикусил язык, сообразив, что до нормальной клинки они доберутся теперь очень не скоро. Возможно и вообще никогда.

– На базах Профсоюза есть «мясники», – сообщила Жустин. – Есть даже хорошие. Скарлатина говорил, он однажды поломался на перегрузке...

– Это хорошо, – Семен сморщился и мимолетно порадовался, что она не видит его лица. Все-таки Скарлатина известный враль. – Очень хорошо, Жус. Вставай, нам надо в рубку. Можешь встать-то?

Цепляясь за его плечо, она поднялась на ноги и внезапно повернулась к нему лицом – на голос.

– Ты не представляешь, как это красиво! Совсем не то, что через стекло...

– Угу... – он потянул ее к трапу. – Как в том анекдоте: красиво, но недолго. Идем, идем...

– Я солнце видела, Семен, – непонятно произнесла она, помедлила, словно ожидая реакции. – Ты знал, что на Луне оно багровое, когда не за стеклом?

Семен сглотнул. Стекловидное тело, похоже, наполнилось кровью, прежде чем Жустин успела перевести ни чем не защищенный взгляд на солнце. Иначе этот взгляд точно стал бы последним.

Не дождавшись ответа, она вздохнула, как-то буднично с облегчением.

– Можешь не спешить, капитан, инспектор не станет бло-

кировать порт.

– Это почему?

– По тому же почему не стал останавливать систему доставки. Он, конечно, попробует нас задержать, но в тихую. Широкая огласка ему почему-то словно кость в горле, а это всегда снижает темп.

Семен сморщился, закусив губу. Плохо. Как плохо-то, черт! Что может быть хуже такой степени секретности?

– На орбите нас ждет фрегат СОС, – уверенно сообщил он. – Условно демилитаризованный.

Жустин споткнулась о ступеньку короткого трапа на единственную жилую палубу корабля, некогда гордо именуемую боевой.

– Фигня, – бодро заявил Семен. – Лучше десяток фрегатов на орбите, чем один инспектор на тверди.

Он почти силком протащил Жустин десять шагов по коридору до рубки, пригнул рукой голову перед низким люком, усадил в кресло оператора-маскировщика. Поторапливаться все-же стоило, несмотря на ее уверенность в обратном. Руки пробежались по пульту: тумблеры, кнопки, ползунки... Ни модного голографического интерфейса, ни интерактивного голосового управления. Этот корабль строился во времена, когда надежность, функциональность и дешевизна ценились куда больше эргономики, удобства и прочих потребительских качеств.

Малый засадно-диверсионный корвет был, в общем-то

кораблем одноразовым. Мелкой разменной монетой для штабных адмиралов и командиров линейных кораблей. Выдвинуться в избыточно запыленный район, провести разведку боем, остаться в заслоне, прикрывая отход потрепанной эскадры... Вероятность возвращения из первых трех вылетов – шестьдесят пять процентов. Из следующих пяти – меньше тридцати. «Десятку» разменивали единицы, которых считали уже не в процентах, а поголовно.

Округлый, цельнолитой корпус, аппаратура из стандартных блоков, двигательная установка, простейшая, но в виду малой массы корабля – эффективная. Не подлежащая перезарядке сменная кассета отчаянно кусачих ракет. Три марсианских верфи, конвейерный цикл производства: полтора десятка машин в сутки, почти как снаряды к пушкам линкоров. Некоторые аналитики до сих пор считали, что своей практической победе Земля была обязана не столько превосходству традиционных флотских единиц, сколько поточному производству диверсионных корветов, сама вероятность замаскированного присутствия которых на пути флотов, заставляла лерских архиепископов-флотодержцев задерживать наступления, терять время в сложных обходных маневрах, менять трассы переброски подкреплений... Частенько как раз при этом и нарываясь на коварный залп в спину. В итоге диверсионный корвет оказался единственным типом из всех земных кораблей, который леры сразу после оккупации потребовали полностью пустить под нож. Условие было выполне-

но почти без исключений. Почти...

...Пульт вздохнул и ожил. Боковая контрольная панель вспыхнула целым полем зеленых лампочек. Именно лампочек, безо всяких мониторов состояния и компьютерного контроля систем. Простота – мать надежности. Семен скользнул взглядом по самым важным. Загрузка топлива – зеленая, давление в отсеках – зеленая, зажигание – зеленая, питание бортовой сети – пока еще желтая, но это нормально... Загрузка боезапаса – к сожалению красная. Все как обычно.

– Пол ста пятый к старту готов, – прокомментировал Семен. Для самого себя, не включая радио. Не хватало еще впутать ни в чем не повинного и наверняка знакомого диспетчера местного пункта управления.

– Что? – Жустин дернулась в кресле. – Уже?

– Уже, – подтвердил Семен. – Прижмись к спинке и расслабься. Будет перегрузка.

Не дожидаясь ответа, он рывком замкнул пакетный переключатель зажигания, одновременно выводя рукоять управления напряжением магнитного поля на максимум.

В топливных элементах – четырех литых трубах из пирокинетика – синхронно треснули свечи электрического запала. Четыре языка пламени, пока еще слабых, не способных преодолеть лунную гравитацию, лизнули плиты между опорами корабля. Часть раскаленной плазмы хлынула в отводной канал, раскручивая турбину генератора. Прими-

тивную газовую турбину... Индикатор питания бортовой сети на контрольной панели перемигнул на зеленый, обмотки электромагнитных катушек всосали энергию, окутав горящий в холостую пирокинетик магнитным полем...

Что происходило в топках двигателей после этого, ни кто из землян не знал. Чи-при, по цене доставки продающие топливо всем без исключения расам, скорее всего не знали тоже. Важен лишь результат: структурированный магнитным полем пирокинетик превращался в «абсолютное топливо» с бешеной калорийностью и огромным ресурсом. Плутоний-239 в сходном по массе количестве мог дать энергии лишь немногим меньше, однако создать реактивный двигатель из оружейного плутония пока еще ни кому не удалось. Как, впрочем, и бомбу из «абсолютного топлива»...

Кресло снизу вверх ударило по пятой точке. Плиты летного поля вздрогнули, вспоминая былые старты сверхдредноутов. Бывший корвет сорвался с поверхности, словно взрывом сброшенный с лика земного спутника. Акселерометр рывком прыгнул к цифре «6», и Семен потянул вниз регулятор поля, немного сбрасывая тягу. Будь он один, предпочел бы довести перегрузку до «восьмерки», но Жустин...

Ни чего, сойдет. Так над Луной даже полиция не летает. Минута такого ускорения и... Нет догнать их мощный крупный корабль смог бы. Но попробуй найди! Немного сменить курс, немного подстроиться под «рельеф»...

– Пол ста пятый, контроль Содействия, – гаркнул вечно

включенный динамик приемника. – Пол ста пятый, ответить контролю Содействия.

Семен скосил глаза в сторону нужного тумблера. Потом на пустой монитор локатора. Эх, все-таки надо было запустить системы!..

С учетом перегрузки улыбка получилась просто дьявольская.

– Пол ста пятый... Сикорский, отвечайте. Содействием санкционирован огонь на поражение. Десять секунд на размышление.

– Семен, – выдавила Жустин. – Не будь снова идиотом...

Он попробовал собрать растянутые в улыбке губы.

– Расслабься, Жус... Я начну маневрировать... Будет тяжело, но ты не бойся. Главное – не бойся, поняла?.. Через две минуты мы оторвемся и уйдем в стелс-режим.

– Через две минуты... – выдохнула Жустин, – мы станем пеплом...

Семен проглотил рвущееся с языка проклятье. Нет, она была не вполне права. Всего лишь где-то на девять десятых. Фрегат департамента Содействия – читай: эсминец военно-космических сил обороны Земли. Формальная смена ранга разумеется ни как не сказалась на боеспособности. А вся демилитаризация заключается в присутствии на мостике лерских наблюдателей, задача которых сводится к объявлению протеста при попытке обстрела кораблей приписки Лерона-прайм.

– Сикорский... Пять секунд!

– У нас есть шансы? – быстро спросила Жустин.

– Почти нет, – честно признался Семен. – Всего лишь почти, Жус...

– Тогда... Тогда не сдавайся, капитан! Жми свои маневры...

Одно попадание снаряда главного калибра эсминца уничтожит корвет целиком. Даже пепла не останется, тут Жустин дала маху. Однако дистанция мала, цель малоразмерна, корректировка снарядов первые секунды после выстрела затруднена. Куда опаснее автоматические малокалиберные турели. Те же «водопады», только корабельного базирования, да еще собранные в батареи по пять стволов. Впрочем, как раз для них дистанция предельна, и шансы на успешное маневрирование все же остаются. Поэтому капитан эсминца не станет стрелять из пушек. Он пустит стандартную ракетную очередь: с оптической головкой наведения, с тепловой и радиолокационной. В теории вероятность поражения цели 200% – две ракеты из трех попадают гарантированно. Хотя на практике чаще всего попадают все три, если первая не разносит цель на атомы.

Семен мысленно усмехнулся, скосил глаза на соседнее кресло. Нет, он бы все равно попытался. Потому что даже ракеты порой теряют контраст на фоне раскаленной солнцем лунной поверхности. Будь он один – попытался бы...

– Три... – сообщил динамик, – Два... Один. Сикорский,

не будь дураком. Я отдаю приказ...

Семен сдвинул регулятор поля до нуля и щелчком по тумблеру включил двустороннюю связь.

– Какой у тебя борт, капитан?

Ответ пришел не сразу.

– Ноль пять два один три, – раздалось в динамике. – Начинай торможение, полста пятый. Мы у тебя на хвосте, не уйдешь.

– Один три?.. – Семен усмехнулся. – «Тринадцатый», стало быть? Повезло ж тебе, капитан. Лерские лазеры уже установили?

– В целях содействия оккупационным силам, – показалось, или капитан произнес эти слов с сарказмом? – Батарея ведет тебя с самой поверхности. Если что, отрежу двигатели. Пожалей корабль.

Да, вот поэтому Семен и выключил тягу. Лазеры в эскадренном космическом бою – дерьмо. Не та дальнобойность, относительно слабое поражающее воздействие, полное отсутствие останавливающего кинетического момента... Во время Вооруженного Недопонимания сплошь и рядом случалось, что даже разрезанный на две-три части земной крейсер продолжал вести огонь, почти наверняка прихватывая обидчика с собой на тот свет. Лучевая артиллерия превосходит классическую лишь в точности. Сколь бы ни была мала цель – попасть в нее все равно, что лазерной указкой указать...

– «Тринадцатый», не стреляй, – произнес Семен. – Я твой.

– Семен! – вскинулась Жустин, – Как же?..

– Спокойно! – оборвал тот, отключая передачу. – Эсминец без эскорта бронекатеров, вблизи почти не опасен. Это все рано что из пушки по воробью... Зависнем над броней, получим передышку.

– Сколько?

Семен прикинул.

– Десять-двадцать минут... Пока не выдохнусь на маневрах. За это время может, что и подвернется...

– Не советуем, Сикорский!

Семен вздрогнул и уставился на динамик внешней связи.

В первое мгновение он подумал, что капитан эсминца подслушал его нехитрый план. Однако связь работала на прием, да и голос был другим.

– Фрегат вооруженных сил обороны Содействия, борту приписки Чи-При! – немедленно раздалось в ответ. От волнения капитан эсминца смешал в кучу бывший и нынешний титулы своего корабля, – Смените курс! Вы вторгаетесь в пространство проведения спецоперации Зем... департамента СОС!

– Чего?.. – тупо переспросил Семен. И рывком повернулся к пульту оператора наведения. О каждой секунде промедления речь уже не шла, парочку из них вполне можно было потратить на возвращение себе контроля над обстановкой.

– Что там Семен? – прошептала Жустин. – Да говори же!

– Сейчас, – отозвался он, оживляя локационную аппаратуру. – Сейчас погоди...

– Эсминец сил обороны Земли, – ровно произнес чи, – под угрозой немедленного уничтожения прекратите свою спецоперацию. Семен Сикорский находится в вечном розыске комитета Надзора за справедливостью. Вы не можете принять его на борт, не оскорбив равновесия.

– Какого черта, Семен! – крикнула Жустин. – Откуда здесь чи?

– Сама подумай! – огрызнулся он. – От кого был последний заказ?

– Но он выполнен! Ты ведь выполнил его, Семен? Не сохранил?

– Не пори чушь, Тина! Конечно, выполнил! Правда мне все больше сдается, что это все-таки была ловушка... Хоть она почему-то и не сработала.

Процессоры, наконец, прогрелись, подгрузили данные натканых по всей поверхности корпуса датчиков, разослали и получили обратно миллионы направленных импульсов, всех известных видов излучений... И развернули картину окружающей действительности.

Аппаратура наблюдения, прицеливания и маскировки – единственное на чем конструкторы в свое время экономить не стали. Иначе корабль из быстрого снайпера-невидимки превратился бы в обычный легкий катер эскадренного сопровождения. Одним взглядом Семен оценил спроециро-

ванную на лобовое стекло картинку. Отбросил фон ни чего незначущих событий, вычленил главное...

Извечный транспортный поток над «Луной-Сортировочной» иссяк. Порт заглушил посадочные маяки, орбиты судов на близком рейде изгибались буквально на глазах, обходя район спецоперации.

Фрегат Содействия висел почти прямо по курсу. Имея скорость явно ниже орбитальной, он непрерывно жег пирокинетик в ускорителях, практически стоя на столбе плазмы. Поток энергии, направленный практически в объективы корабля Семена, мешал оценить боеготовность бывшего эсминца – компьютер смущенно маркировал его моргающим знаком вопроса.

Чи-при неторопливо приближались со стороны солнца, выдерживая высокую, выгодную для атаки орбиту. Вот только их корабль не был линейным крейсером орбитального подавления, чего после слов об угрозе уничтожения, Семен втайне опасался. Каботажник, малый внутрисистемный транспорт. Господи, как его вообще занесло в Солнечную систему? И эта уверенность в своих силах диктовать условия?.. Несмотря на однозначную отметку на дисплее – «невооруженная цель».

Ни чего себе интрижка. Тема для новостей «Луна-ТВ» на неделю вперед. И ведь это еще не все! Семен сглотнул вставшую комом в горле слюну. Близкий лунный горизонт, за которым пока еще скрывалась лерская оккупационная база,

вдруг разукрасился маркером «Внимание, прицеливание!» Это корабельные детекторы засекли действующее оружие, в фазе активного наведения. Компьютер словно обрадовался, найдя, наконец, для себя работу: «предполагаемый тип вооружения... сектора поражения... сектора предполагаемых мертвых зон...»

Семен смотрел на цветную штрихограмму и, закусив губу, отчаянно пытался понять, в чем подвох. Выходила полная ерунда. Сначала инспектор содействия настолько боится поднять шум, что позволяет ему добраться до корабля. И тут же, без перехода и дополнительных условий готовится расстрелять прямо ввиду космопорта и десятков кораблей на рейде. Чи сначала устраивают ловушку в пространстве Лерона-прайм, затем совершенно открыто объявляют ультиматум земному фрегату с лерскими наблюдателями на борту... В конце концов, оккупация оккупацией, но ведь всем хорошо известно чьи пушки едва не начали обстрел резиденции кардинал-вершителя пресветлого Лерона. Ну и наконец опорная база... Хотя ее-то действия как раз вполне укладываются в уставные правила. Послушники-наблюдатели на борту фрегата подвергаются опасности. Шашки на голо!.. И все бы хорошо, если б тревогу они не объявили еще три дня назад.

– ...Прианский борт, последнее предупреждение! – в пылу продолжавшейся перебранки в эфире капитан фрегата допустил оскорбительное сокращение наименования расы. –

Еще полминуты и мы открываем огонь на поражение!

– Спасибо за предупреждение. Срок вашего уничтожения пересмотрен – двадцать девять секунд! Не препятствуйте исполнению розыскного ордера!..

– Да вы что, за идиота меня держите? – от возмущения землянин едва не пустил петуха. – Мы выдержим таран вашей посуды! Да и не успеете за полминуты!

Семен мысленно кивнул. Правильно, таран. О чем еще мог подумать капитан вооруженного до зубов, отлично бронированного корабля глядя на настырный, но безоружный транспорт? И в ту же секунду Жустин спросила.

– У них получится? Семен... а?

– Уничтожить фрегат? – тот запнулся и неожиданно для себя кивнул. – Получится, Жус. Чи что-то держат в рукаве. А на службе Содействия флотские видать тупеют раньше времени.

– Двадцать секунд, – сообщил капитан фрегата и, не скрываясь, приказал. – Цель захватить, главный калибр изготовить. Огонь по отсчету без команды.

– Чи-при, внимлите, – вмешался вдруг новый голос. – Я, настоятель Опоры светоносного на этой луне, благословляю праведных слуг Земли и Лерона, на любые их действия против грешников Семена Сикорского и Жустин Бертье. Не пытайтесь вмешаться в промысел божий, ибо не в ваших силах. «Святая зарница» следит за вами неотрывным оком. Не вводите в искус.

– Оба-на... – прошептал Семен. – Кстати заметь, теперь ты официально моя соучастница.

– Я прямо горжусь, – отозвалась та, и вдруг отвернулась, смутившись, потому что иронии в ее голосе оказалось куда меньше чем хотелось.

– ...Десять, секунд, – сообщил капитан фрегата. – Кстати Сикорский, не пытайся запустить двигатель. Моя «зарница» следит только за тобой.

Семен перекинул тумблер на двустороннюю связь и произнес:

– Дурак ты капитан, и номер у тебя несчастливый. На корабль наплевать, хоть людей пожалей.

– С тобой, Сикорский, мы отдельно поговорим!.. Борт приписки Чи-при, извещаю вас, что мы готовы открыть огонь. У вас осталось пять секунд!.. Четыре!..

Семен невольно прижмурился, сжал подлокотники кресла. Ох, что-то будет...

– ...Три!.. Две!..

– Тебя предупреждали, – как-то вроде даже обиженно отозвался инопланетчик.

Одновременно с этими словами, эсминец сил обороны Земли разрушился. Не взорвался, именно разрушился. Мгновенно и в хлам, словно вспоротый изнутри... четырьмя огненными клинками! Которые, закончив разрушение, вырвались из облака обломков и устремились в пространство, по четырем хаотичным траекториям...

«Неприцельный ракетный залп!» – прокомментировал компьютер, исправно маркируя каждую из четырех безумно быстрых, ослепительно белых черточек, – «Вероятность попадания 0%»

– Черт... – выдавил Семен. – Черт, Жус! Они убили их!

– Кого? Кто кого убил, Сема?! Да объясни, в конце концов, я же не вижу!

– Жус... – он потряс головой. – Жус, так не бывает, понимаешь? Я знаю эти эсминцы, это хорошие корабли. Я видел, как такой в одиночку держался против «Карающей десницы» с охранением. Минут десять держался... Не может быть чтобы всего четырьмя ракетами!..

Он умолк. Потому что каботажный кораблик чи-при, уже довернувшийся на перехват вдруг распался веером раскаленных обломков. Ровных геометрически правильных «кубиков». Ну, это хотя бы понятно. Лерская лазерная батарея, «Святая зарница»: десять попарно соединенных стволов, качающихся во взаимно перпендикулярных плоскостях, накрывали сразу всю цель, шинкуя ее со сноровкой хлебoreзки. Просто настоятель опорной базы не стал тратить слов – сразу нажал на курок. Надо полагать во исполнение промысла божьего...

– Ты видел это, сын греха? – укоризненно произнес лер. – Люди двух кораблей погибли по твоей вине. Беспрекословно опускайся на грунт, «Святая зарница» бдит.

– Я видел, – отозвался Семен. – Видел, как люди убили

друг друга из-за ценного приза. А прав как всегда оказался тот, кто стрелял последним. Я опускаюсь, но не по твоей власти... И не под твою власть. – Он снова выключил передачу, повернулся к Жустин. – А вот теперь, милая, и, правда, держись!

Помнится, всего-то сутки назад он жалел, что не может устроить слалом над поверхностью? Ну что же, вот и повод.

Разворачивая корабль носом к лунным скалам, Семен до упора выжал регулятор тяги.

Жустин вздохнула, дернулась в кресле, вскинулась, испуганно шаря по кабине незрячим взглядом.

– Семен... – позвала она. – Ты здесь, Семен?

– Я здесь, Тина, – привычно отозвался тот. – Все в порядке, отдыхай.

За прошедшие шесть часов полета по инерционной части траектории, она просыпалась раз пять или шесть. Вымотанный декомпрессией и перегрузками организм, все ни как не мог согласиться с необходимостью отдыха, то и дело вбрасывая в кровь совершенно не нужный сейчас адреналин. Во время одного из пробуждений Семен даже умудрился запихнуть в нее полпорции бортового сух-пайка, понадеявшись что на сытый желудок лучше спится. Не помогло.

– Где мы, Семен?

На этот раз Жустин видимо решила прекратить попытки уснуть, на ощупь нашла регулятор положения кресла, под-

няла спинку в сидячее положение.

– Рано еще, – Семен скользнул взглядом по курсовым отметкам. – Зря вскочила, минимум час вне зоны доступа.

– Да ладно, ерунда... Все равно, не сон, а сплошные кошмары.

– Как хочешь, – Семен пожал плечами. Пока Жустин приходила в себя, то и дело проваливаясь в беспокойный сон, он чувствовал себя свободнее – слишком привык к одиночеству в этой рубке. К тому же он совершенно не представлял, как теперь вести себя с ней, все еще пытающейся верить в вечно пьяных «мясников» с немытыми руками на базах Профсоюз, как правило, бежавших к пиратам из под статьи за хищение и реализацию наркотических средств, а то и за незаконное извлечение донорских органов.

– Я бы разбудил, – сказал он. – Соваться к ним на рейд без твоего звонка – упаси господи.

Она лишь махнула рукой. И спросила совсем о другом:

– Семен, я теперь... Я совсем уродина, да?

От такого поворота тот едва не вывалился из кресла.

– Это с чего ты взяла?

– Перегрузки... Я читала, что кожа тянется и сосуды сеточкой. Сколько ты выжал? «Пятерку»?

– «Девятку», – ответил он, помедлив. – Кратковременно. Выбрось из головы, Тина. За семь минут маневрирования ни чего не будет. Иначе я бы давно ходил весь синий со щеками до колен... Господи, да где ты вычитала такую чушь?

Она шмыгнула носом.

– Что, правда, ни чего?..

– Абсолютно.

Насчет «девятки» он малость приуменьшил. Был момент, когда стрелка акселерометра коснулась отметки 12g, а щеки действительно едва не достали до ушей. Насчет кратковременности – в общем тоже: первый час разгона, пока инерционная масса по мере нарастания скорости неторопливо шла к нулю, он держал ту самую «пятерку», постепенно увеличивая ускорение. К счастью Жустин вырубилась уже на втором вираже, а на разгоне ее обморок плавно перешел спасительный сон... И все-таки хорошо, что она не видит сейчас своего лица. Сосудистая сеточка, конечно, рассосется, недели через две. Но истерики при первом взгляде было бы точно не избежать.

Жустин вздохнула с облегчением, но тут же снова нахмурилась. Проговорила:

– Я не спала последний час.

– Зря, – прокомментировал Семен.

– Я не спала... – повторила она. – Я думала. Знаешь о чем?

– О том, какого сваяла дурака, войдя со мной в долю.

– Почти. Я вдруг поняла, что совершенно тебя не знаю.

Семен, кто ты на самом деле?

– Раздолбай, – почти откровенно ответил тот. – Беглый инсургент, отщепенец и отброс общества. С таким уж связалась. И не ври, будто не знала, что именно этим все когда-ни-

будь и кончится.

– Конечно, знала. И готова была терпеть в доле даже раздолбая, пока понимала чего от него можно ждать. А теперь вижу, что может быть действительно зря?..

– Слушай, Коготок... – Семен посерьезнел. – Давай-ка, фильтруй базар получше. Соскочить хочешь? Добро. Если по уму все сделаешь – в обиде не останусь. До Профсоюза меня доведешь, представишь кому надо... А то знаешь, у нас на Марсе, бывало, за такое кидалово...

– Хватит, Семен, – твердо сказала она, и тот действительно осекся. Когда она говорила таким тоном даже яшми, не торгуясь, давали за контракт нужную цену. – Хватит врать. Ты ни когда не был на Марсе. Не промышлял во время войны рэкетом по дальним рейдам, не брал конвои чи с топливом, не тырил тушенку с флотских складов... И не сидел ты тоже ни дня, не освобождался по амнистии под тотальную мобилизацию, не бежал с блокпоста на капитанском бронекатере... Я уже давно эти твои рассказы в пол уха слушаю. А сейчас, когда на тебя в деле посмотрела... Все что ты говорил о себе – ложь. Так... кто же ты на самом деле?

Семен молчал. Жустин никогда прежде не расспрашивала его о прошлом, так же как, впрочем, и он ее. При определенном роде занятий про такое не спрашивают – непрофессионально, а порой и опасно. И вообще – меньше знаешь, крепче спишь. Жаль только, что к доверию такое положение дел не располагает. Последнее обстоятельство Семена не

устанавливало. Возможно это было глупостью, возможно даже пережитком того самого прошлого, о котором он действительно не торопился рассказывать хотя бы и Жустин... Однако привычка чувствовать доверие партнера в конце концов взяла верх. Легенда родилась за одну ночь, а потом в течение нескольких месяцев осторожно и ненавязчиво доводилась до сведения подельщицы. Оговорками, обмолвками, старыми «уголовными» байками, порой даже анекдотами... Избытка симпатии образ пирата, не лишённого понятий о благородстве, не вызывал, но к определенному уровню доверия все-таки располагал, и этого было достаточно.

А теперь вся его, неплохо, в общем-то, продуманная легенда на глазах рассыпалась прахом. Как же не вовремя! Вот и что, спрашивается, делать с этой умницей?

– Ты воевал, Семен, – произнесла она, будто сделав, наконец, для себя какой-то вывод. – Эта твоя избирательность при выборе целей... Бог мой, как же я раньше не подумала! Ты дрался с лерами во время «Недопонимания»! И Ты... ты до сих пор с ними воюешь.

– Хорошо... – отмалчиваться и дальше было больше нельзя, но Семен пока еще понятия не имел, что он будет говорить. – Хорошо, Тина, ты меня поймала. Первый раз за два года. Долго же тебе пришлось думать!

– Хватило часа, – огрызнулась она.

– Ну, хорошо, хорошо... – повторил он, в отчаянии оглядывая кабину, будто в поисках подсказки. – Ладно, как хо-

чешь... Да, я воевал. Про «Лунную радугу» слышала? Первая огневая палуба, вторая кормовая башня главного калибра... Я был мастер-канониром, командиром расчета. Два поощрения за снайперскую стрельбу. «Храброе сердце» за спасение расчета после попадания лерской торпеды, «Земля обетованная» за бойню при Эриде.

Это тоже не была правда, во всяком случае, не вся и не во всем. Но уже ближе, гораздо ближе. Хотя бы, потому что выдумать новую убедительную ложь он сейчас просто не успевал.

– Так... – Жустин покусала наманикюренный кого... то есть ноготок. – Значит, так... И, к чему тогда было все это вранье?

– Может, я хотел тебе понравиться, – почти честно ответил Семен.

– Ты не настолько туп, чтобы решить, будто уголовники мне нравятся больше героев Эридейской бойни. Думай еще...

– Тина, ну что ты как маленькая, в самом деле! Ты про «Радугу» слышала или нет?

– Слышала. Ее команда подняла мятеж и попыталась накрыть «Луну Сортировочную» вместе с кардинал-воителем, как раз принимавшим акт капитуляции Земли.

– А потом?

– Корабль расстреляли и сбили с орбиты. Уцелевшую десятую часть команды признали мятежниками и военными

преступниками. Со всеми вытекающими последствиями.

– Ну, так, а чего спрашиваешь? – возмутился Семен. – Наменяю, расчет второй кормовой башни главного калибра – уцелел, но скрыться удалось только мне. Догадайся, кто сделал тот единственный выстрел?

– И промазал!

– Конечно, промазал! Крейсер падал, турбины вырубались, энергии ноль – ни стабилизации, ни наведения!.. А «Сортировочная» уже ушла за горизонт. Ты представляешь себе, что такое выстрел по баллистической траектории без прицельного расчета, на глазок?

– Допустим, – Жустин прищурилась в его сторону, будто могла видеть. – Что потом?

– Потом? Да какая разница, Жус... Очнулся в темноте. Все кувырком, где-то что-то искрит, корпус хрустит – мнется... Через трещины воздух свистит. Добрался до аварийного шкафа, взял спас-комбинезон. Как вышел на грунт – не помню. Наверно просто через дырку в броне провалился. Ну, и пешком, пешком... Ты наверно знаешь про этот поселок миллиардеров?

– Коттеджи на открытом грунте?

– Они самые. Я когда эту травку пластмассовую, да яблоньки раскрашенные увидел – решил было, что брежу от недостатка кислорода, но... В один из домов меня впустили. Хозяин оказался правильным мужиком и, разумеется, при деньгах. Сначала укрывал, неделю, пока полиция на «Сорти-

ровочной» бесновалась, потом документы сделал и до шлюза проводил. Собственно... Он собственно и на корабль денег мне дал. И человеку нужному словечко шепнул.

– Скарлатине?

– Скарлатине. Сама знаешь наш гадюшник – только слух пусти, ищущую мол рискованную работу.

Жустин медлила.

– Пока вроде сходится, – проговорила она, наконец, будто бы даже с досадой. – Как того мужика звали?

– Не скажу, – отрезал Семен. – Ты что, Жус? Понимать же должна!

Спорить она не стала.

– Ладно. Это я сама выясню. Не так уж много там домов.

– Не нужно, – попросил Семен. – Правда, Тина, не нужно. Человек за меня на статью о мятеже подписался. Хочешь подставить его?

– Н-нет. Пока, пожалуй, не хочу... Хорошо, допустим! Мастер-канонир, наводчик-снайпер – верю. Не каждый засадит снаряд леру в тринадцатый шпангоут. А навигация? Маскировка? Пилотаж, в конце концов? В орудийной башне факультативно изучал? Я же слышу, как ты работаешь с пультом, Семен. Бегло, работаешь...

– Я два года за этим пультом, Жус, – перебил тот. – Было время попрактиковаться.

– Тебя на первом вылете такой практики самый дохлый эскорт-конвой в муку размолот бы.

– На первом чуть и не размолот, – надулся Семен. –
Чудом ушел. Не помнишь?

Жустин нахмурилась.

– Да, в самом деле... Если не врал, конечно!

– Я не врал. Я хвастался. Какой я крутой и из какой за-
дачи выбрался.

Это тоже была только часть правды, однако Коготку со-
вершенно не обязательно было знать, все подробности во-
енной карьеры своего поделчика, в которой должность ма-
стер-канонира рисовалась всего лишь ярким штрихом, а во-
все не генеральной линией.

Жустин утихла. Устало откинулась в кресле, опустив ве-
ки. Перебранка, похоже, высосала из нее последние силы.

– Ладно, черт с тобой, – выговорила она. – Все равно я без
тебя ни чего сейчас не могу. А там... там видно будет.

Где – «там» и что «видно», Семен решил не уточнять.
Дурацкое это занятие, выяснять подробности у оскорблен-
ной ложью женщины. Пусть даже ложью необходимой и, воз-
можно, спасительной. Вместо этого он дотянулся до нуж-
ной кнопки и проверил индикатор приема ближайшего ор-
битального ретранслятора. Самая нижняя полоска в «ста-
канчике» едва подрагивала, но все же индикатор был не пуст.

– Мы почти в зоне доступа, – сказал он, выдергивая из
зарядного гнезда телефонную трубку. – Попробуй дозво-
ниться. Я бы не хотел тормозить с перегрузкой больше двух
«Же».

Базы пиратского Профсоюза Семен прежде видел только в кино, когда нелегкая заносила его в синема на «Сортировочной». Поэтому представление о предмете у него было несколько однобоким, таким же, впрочем, как и у Голливудских режиссеров, штампующих свои «Звездные саги» на утеху массовому потребителю, да к тому же умудрявшихся соблюдать политкорректность по отношению к лерам. Узкие штольни старых выработок на астероидах, изношенное в хлам оборудование, грязь и ржавое железо, заселенное отщепенцами различной степени оборванности в вечном наркотическом опьянении... Плюс неприменный бар, торгующий продуктами перегонки в дурь любых технических спирто— либо наркосодержащих жидкостей, предназначенный в основном для массовых попоек, драк, а так же других непотребств и всяческого разврата. В качестве альтернативы Семен так же готов был принять какой-нибудь старый рудовоз, либо даже торпедированный во времена «Недопонимания» эсминец. По этому к увиденному воочию он оказался совершенно не готов.

Получив извещение о выходе на дистанцию прямой видимости, Семен подключил визуальную систему, и, любопытства ради, попытался рассмотреть приближающийся объект. Не поверил глазам, проверил настройку объективов, всмотрелся снова.

— Черт возьми, — выдавил он. — И все это в семи часах лета

от ближайшей оккупационной базы...

– Что там? – насторожилась Жустин. – Да говори же!

– Это пассажирский корабль, Тина. Круизный лайнер класса «экстра-люкс», двенадцать звезд, не меньше...

– «Новая Луизитания»... – проворчала та.

Семен дернулся к биноклям прямого визуального наблюдения.

– Названия нет, – прокомментировал он. – Затерто.

– Это она, – уверенно сказала Жустин. – Лет семь назад Профсоюз неплохо отмыл денег, сначала на постройке лайнера, а потом и на страховке после его пропажи без вести. Думаю, председатель с самого начала так все и замышлял. Старый жучила ценит комфорт.

– Шестнадцать палуб, двести тысяч тон, восемнадцать дюз... Тина, неужели это она?

– Спросил зрячий слепого, – фыркнула та. – Не веришь – пересчитай двигатели.

Семен пробежался взглядом по выпуклостям огромных ускорителей, потом спохватился.

– Я верю. Откуда ты знала?

– Оттуда же откуда и нужный курс. Крематорий, кстати, этого курса не знает, смотри не сболтни при случае.

Семен оторвался от окуляров, новым взглядом осмотрел напарницу.

– Знаешь, Тина, по-моему мне самое время повторить твой вопрос: кто ты такая?

– Я? – изумление ее было почти искренним. – Я член Профсоюза. Очень лояльный, дисциплинированно уплачивающий взносы.

– Настолько лояльный, что тебя принимают в штаб-квартире председателя?

– Ну... Как тебе сказать? Он ведь не всегда был председателем, верно? А вот шестеро дочерей у него уже довольно давно.

От мгновенной, ослепительной догадки Семен подавился своим следующим язвительным замечанием.

– Тина!.. Ты... Ты, что?..

– Расслабься, снайпер. – Жустин усмехнулась. – Я не его дочь. Просто был момент, когда одной из них – самой беспутной, если уж честно – он не сумел помочь. А я сумела.

– Так, – Семен сглотнул. – Ты сумела... Вытащила, значит, дочь самого председателя всемогущего Профсоюза из какой-то передряги... А теперь перебиваешься наводчицей по разовым случайным заказам, и держишь в подручных раздолбая? В чем подвох, Тина? Только не клянись в любви, не поверю.

– Какая еще любовь, дурачок, – совсем не сердито отозвалась та. – Я же говорю: дело давнее, девчонка беспутная. Да и с чего ты решил, что председателю вообще нужны его дети? Он меня тогда на ужин пригласил, типа выразить признательность. А сам так смотрел, будто не решил еще, благодарить меня или вывести через черный ход, да и перо под

ребро...

– Ты встречалась с председателем Профсоюза, – произнес Семен в слух, словно укладывая эти слова в своем сознании. – И все это время молчала...

– Да, говорю же, не был он тогда председателем! Так, смотрящий за околосемными рейдами.

– Как будто этого мало!

– Оказалось – достаточно, – отрезала Жустин. – Слава богу, что мочить меня передумал! Скривил этакую, знаешь, рыбью улыбочку, махнул референту и велел оказывать мне всяческое содействие в разумных пределах. С тех пор заказчики меня находят регулярно... А пару лет назад и с исполнителем наконец-то повезло.

До Семена не сразу дошло, что он услышал комплимент. Наверное, первый комплимент от Жустин за все эти «пару лет».

– Я за тебя рад, – буркнул он, зачем-то пряча от незрячего человека неуместное смущение.

– А я не очень, – Жустин вдруг смутилась. – Слушай... проводи меня в туалет. Черт его знает, как нас там встретят...

Через двадцать минут, когда Семен уже окончательно решил, что ни какого управления движением в пространстве вокруг такого массивного объекта нет, их неожиданно окликнули. Хорошо поставленным голосом, на профессиональным диспетчерским сленге. Главный гангстер внеземе-

ля видимо своим лайнером дорожил, и не собирался позволять всяким сомнительным пилотам и еще более сомнительным капитанам пробовать на прочность его обшивку.

Четко контролируя вектора и скорости, диспетчера бережно завели корвет в док. Именно диспетчера – дальнего подхода, ближнего рейда и непосредственно докинга, что Семена добило окончательно. Все-таки надо бы сюда притащить хоть одного режиссера, чтобы воочию убедился: пирату рознь.

Док был явно расширен, углублен и даже, кажется, надстроен за счет пары ближайших пассажирских палуб, едва ли востребованных на лайнере в его теперешнем статусе. Переделка проводилась грубо и быстро. Автогеном не обошлось, местами переборки носили следы взрывчатки. По сравнению с внешним лощеным обликом корабля это помещение куда лучше вписывалось в представления Семена о пиратском логове. Впечатление довершили древний, ржавый, марсианский рудовоз, припаркованный слева от его корвета с зачем-то вырезанными напрочь внутренними переборками. Переборки корявым штабелем лежали тут же у борта. Справа от корвета имел место изящный гоночный шлюп с ужасной рваной пробоиной вместо лобового рубочного остекления.

Ощутив, прокатившийся по всему корпусу лязг опор, ударивших в рифленый настил, Семен убрал остатки тяги, привычно пробежав пальцами по пульта, обесточил магнитные

катушки и бортовую аппаратуру. Через полминуты лишённое оков магнитного поля пламя в топках окончательно угаснет. Удобнее всего это время было бы переждать, не вставая с кресла. Но сейчас – как раз успеть дойти до шлюза.

– Приехали, – произнес Семен.

Поднялся, провернул штурвальчик люка на бывшую боевую палубу, с натугой отодвинул литую крышку. Ни каких тебе приводов и кнопочного управления! Такой вот ещё элемент надёжности в три пуда весом.

– Я поняла, – отозвалась Жустин. – Встречают?

Семен вернулся к окнам.

– Вроде бы нет. Хотя погоди... Такой наглаженный тип с козлиной бородкой у дальнего входа...

– Это Карлос, – Жустин вздохнула с облегчением. – Через него все мои дела с Профсоюзом идут. Помоги-ка...

Семен подхватил её под локоток, развернул в сторону выхода, привычно уже придержал голову перед низким проемом. Десять шагов по стальному настилу: справа капитанский закуток два на три метра, слева бывший кубрик – три на пять, превращенный за ненадобностью в склад разных запчастей, и емкостей для усиленной системы рециркуляции. Плюс по одному посту ближней обороны с удобными прозрачными блистерами, но давным-давно без орудий, и еще рядом с капитанской каютой примостился санузел. Вот собственно и весь корабль. Да, еще лесенка в шлюз автоматической загрузки и совсем уже крохотный шлюз для экипажа.

В нормальном состоянии корабля, то есть в доках эсминца, пользоваться им не приходилось. В условиях же лунной стоянки Семен постоянно испытывал трудности с надеванием пустотного комбинезона в помещении, где противоположные стены можно достать растопыренными локтями.

За шлюзом – еще один люк со штурвальчиком побольше, и короткий спуск в пять ступеней, приваренных прямо к одной из опор. Семен спрыгнул первым, рукой поставил ногу Жустин на первую ступеньку.

– Осторожно, поручней нет, – подсказал он. – Давай, потихоньку...

На третьей ступени она оступилась и с визгом полетела в объятия Семена. Краем глаза тот заметил, что наглаженный субъект, успевший за это время приблизиться к кораблю, сделал было движение помочь, но вовремя спохватился.

– Боже мой, кого я наконец-то вижу своими глазами! – провозгласил он.

Жустин живо повернулась на голос.

– Здравствуй, Карлос. К сожалению, не могу сказать того же о тебе.

Субъект моментально осекся, застыв с разведенными, словно для объятия, руками.

– Боже мой, – повторил он совсем другим голосом: – Жустин, твои глаза!..

– Они почти в порядке, – отрезала та. – Не надо трагедий. Лучше позови вашего «мясника».

– Да... Да, разумеется. И пойдёмте, наконец, отсюда. Господин Сикорский, насколько я понимаю? – тип, наконец, удостоил Семена взглядом.

Тот сдержанно кивнул:

– Он.

– Идёмте, идёмте... Жустин, я велел приготовить одну каюту. Разумеется люкс, на верхней палубе. Почему-то не подумал, что ты едва ли сама будешь за штурвалом. Однако я сейчас же распорядюсь насчет второй каюты. Или?.. – Карлос снова смерил взглядом Семена. – Кровать там конечно двуспальная, но...

– Распорядись, – перебила Жустин. – Но чтобы была по соседству. Проводишь?

Она подставила ему локоть.

– Бог мой, конечно! – Карлос на миг склонился над ее ладонью, затем взял под руку. – Извини, я что-то сегодня плохо соображаю. Отсутствие общества прекрасной половины человечества на этом корабле дурно влияет на манеры.

Он повлек Жустин к выходу из дока. Не оборачиваясь, как бы само собой полагая, что Семену ни чего другого не останется кроме как плестись следом. Семен скрипнул зубами и поплелся.

– Ой, не смейся меня, – отрезала Жустин. – Прекрасному обществу на этом корабле наверняка отведена, по крайней мере, одна палуба. К тому же оно меняется вахтовым методом, чтобы не закисло и не приедалось господину Сурэ.

Карлос вздохнул с искренней печалью.

– Увы, моя радость, что позволено Юпитеру...

– Быком ты ни когда не был, не приbedняйся. И, кстати, с чего вдруг такая предупредительность? – она умудрилась полуобернуться и подмигнуть Семену. – Когда я прилетала сюда в прошлый раз...

– Три года назад! – перебил Карлос.

– ...Ты запихнул меня в конуру третьего класса, неподалеку от этого ангара.

Карлос запнулся, подбирая ответ, вписывающийся в «маны».

– Ты, помнится, торопилась поскорее убраться...

– ...Отсюда живой, – подхватила Жустин.

– Бог с тобой! – возмутился Карлос. – Господин Сурэ хорошо помнит твою неоценимую услугу его дочери! Клянусь, что на этом корабле ни кто не посмеет тронуть тебя и пальцем!.. Кстати в этот раз ты, надеюсь, удержишься?

– По крайней мере, на некоторое время, – она выразительно указала на свое лицо. – Плюс прочие обстоятельства... О них мы наверняка еще поговорим.

– Да, конечно, конечно...

– Сначала – «мясник», – буркнул Семен.

– Конечно, – повторил Карлос, обратив на него бесцветный взор. – Здесь лифт на верхние палубы, прошу вас...

Продолжая рассыпаться в слащавых любезностях, он нажал нужную кнопку. Лифт слава богу оказался скоростным,

а на верхней палубе их даже ждал гольф-кар. Погрузившись в электрическую машинку, они еще минут пять перемещались по широченному коридору, если не сказать проспекту. Прямо по затейливым коврам яши невиданных доселе размеров, под хрустальными люстрами, свисавшими со стеклянного потолка, открывающего вид в космическую тьму, мимо литых чугунных скамеек перед огромными панорамными террасами и немногочисленной публики, гуляющей... ну да именно гуляющей под звездами. Что за люди это были – действительно приближенные главаря самого могущественного пиратского клана или так, массовка для создания видимости жизни – Семен даже задумываться не стал. Лишь отметил мельком, что Жустин опять оказалась права, прекрасной половины человечества здесь было достаточно.

– Какой-то кошмарный день сегодня, – как-то вдруг совершенно по-человечески посетовал Карлос, на минуту переставая зубоскалить. – Босс еще месяц назад выписал с Земли трупы из Grand Opera. Утром вот доставили, весь командный состав на вечер в главный салон пригласили... А в два часа – сигнал бедствия. Муирья видишь ли по округе покататься решила, папин подарок обновить!..

– Муирья? – с трудом повторил Семен.

– Его младшая, – коротко пояснила Жустин.

– И как водится – любимая, – добавил Карлос. – Покушение! Представляете? Кто бы мог подумать, что прямо здесь!.. Что на дочь самого председателя!..

– Тот простреленный шлюп в доке, – догадался, наконец, Семен. – И что вот так без охраны каталась?

– Молодой человек, – Карлос, наконец, соизволил проявить в отношении Семена хоть какие-то эмоции. – При вашей профессии вы должны знать чего стоит самая дорогая охрана. Или, вернее, что ни чего она не стоит. Телохранители не в силах остановить снайперский выстрел с замаскированной позиции. Самой эффективной охраной было имя ее отца. Во всяком случае, до сих пор.

Семен с сомнением качнул головой. С замаскированных позиций? Еще на подлете он чисто рефлекторно оценил «рельеф»: ни пыли, ни астероидов, ни человеческого мусора. Минимальный фон реликтовых излучений, не разбавленный потоками частиц и энергий – вечных спутников бывших полей сражений. На редкость чистая пустота, замаскироваться здесь было попросту негде.

– Жива? – спросил он

Карлос поежился.

– Отчасти... И концерт уже отменить вроде бы нельзя. И тут еще вы с самой Луны...

– Так, а при чем здесь?! – начал, было, Семен, но Жустин умудрилась больно пнуть его под сиденьем ног.

Однако провожатый уже спохватился. Снова расплылся в улыбке, и затормозил у... Нет, не у двери – у ворот номера, выходящих прямо в главный коридор самой роскошной палубы лайнера. У золоченых створок в широком арочном

проеме. У постояльцев таких кают видимо должно было появляться ощущение, что они не иначе как на пороге рая...

– Твой номер, Коготок, – провозгласил он, вкладывая ей в ладонь тяжелый резной ключ. Наверняка золотой. – А ваш, господин Сикорский, будет напротив. Я кого-нибудь пришлю открыть, подождёте?

– Подождет у меня, – заключила Жустин, осторожно нащупывая ногой ковер под колесами кара.

– К черту номер, – буркнул Семен. – Вы мне тут на коврик постелите...

Жустин нашарила его руку, сунула ключ в ладонь.

– Открывай, – и тут же Карлосу: – можешь не торопиться, мне еще надо освоиться.

Человек, ослепший внезапно, куда беспомощней, врожденного калеки. Семен понял это, как только выпустил руку Жустин, открывая дверь и та, немедленно врезалась в полуоткрытую створку, не догадавшись даже ощупать пространство перед собой.

– Зар-раза, – прошептала она. – Ну, сколько ж еще?..

– Сюда, – Семен мягко направил ее вглубь холла в сторону изысканного дивана. – Пять шагов прямо, потом поворачивайся и садись.

Острее чем собственную ущербность внезапно ослепшие переживают лишь избыток сочувствия и навязчивую предупредительность окружающих. Прежде чем сесть Жустин все-таки нашла диван руками.

– Лучше бы тебе дали ту же коморку, что и в прошлый раз, – прокомментировал Семен, осматривая шесть выходов из полукруглого холла. – Здесь и зрячий с непривычки заблудится.

– Надо будет потребовать горничную... – пробормотала Жустин. – Здесь... очень красиво, Семен?

Тот кивнул и тут же, спохватившись, добавил в слух.

– Очень. Я, если честно, шагнуть боюсь – ковер помять. Очень красиво и очень дорого.

Она кивнула.

– Вряд ли это хорошо. Что-то происходит, Семен. Я не могу концы с концами связать.

Он подошел поближе, уселся на тот же диван.

– Только сейчас поняла? Я всю дорогу голову ломал. Откуда к тебе пришел наш крайний заказ?

– Обычными путями.

– Карлос передал?

– Нет, что ты? Мы ни когда не контактируем на эту тему. Ты на его ужимки не смотри, он далеко не последний человек при господине Сурэ. Наши с тобой делишки для Карлоса мелковаты.

– Мне так не показалось.

– Это потому что босс когда-то приказал быть со мной любезным. Ну и еще немного личного...

Семен скривился, но решил не развивать эту тему.

– Слушай, ты, наверное, хочешь чего-нибудь?

– Выпить, – с готовностью отозвалась она. – И еще спать.

Но сначала выпить...

– Да, спать я тоже хочу, – отозвался Семен. – Но первая мысль получше. Где-то здесь наверняка есть бар. Погоди, я поищу. Может еще перекусить?

– Нет, только выпить. У меня до сих пор твои сухари поперек горла стоят. Джин-тоник, если можно... Последний заказчик связался анонимно по моему рабочему номеру. Кто-то из мелких посредников Профсоюза нас ему продал – все как обычно.

– И все-таки что-то было не как обычно... – отозвался Семен из другой комнаты. – Ты поняла, что произошло на лунной орбите?

– Я слепая, но не дура, – огрызнулась Жустин. – Чи были готовы нарваться на межзвездный скандал, лишь бы не отдать нас в руки Содействия.

– Вот как?.. – с сомнением протянул Семен, перемещаясь из гостиной в спальню. – А мне показалось, что они были готовы начать новую войну. И даже умереть ради этого. Атака фрегата Содействия в виду опорной базы леров – гарантированное самоубийство. Что сейчас творится в посольствах Чи-при – страшно представить.

Жустин умолкла. Семен обошел еще три комнаты, вернулся в первую и, наконец, обнаружил барный шкаф за декорированной под стальной сейф дверцей. Джин-тоник в нем конечно же был.

– Черта с два, – произнесла Жустин, снова заслышав его шаги. – Войны не будет, и чи это понимают. Но умереть они действительно были готовы.

– Вопрос, – Семен сунул стакан в ее протянутую в пространство руку. Глотнул из своего. – За каким чертом? Может обыскать наш кораблик? Вдруг там спрятан клад времен прежней войны.

– Скорее уж секретные документы, – Жустин усмехнулась. – Да нет, чушь это... Думай, Семен. Думай, что ты сделал не так. Оскорбить чи-при очень просто. Смертельно оскорбить – еще проще. Господи, должна же была найтись такая раса в галактике!

– Я нечаянно... И вообще это не я... Да я там сроду не бывал, дело шьешь начальник?

– Прекрати паясничать, – попросила Жустин, и Семен послушно сбросил маску бравады.

– Seriously, Тина. Я чи живьем всего раза три-четыре видел.

– А через прицел? А во время войны? Ты слышал их слова о розыском ордере? Такие выписываются раз и навсегда, и не имеют срока давности. Любой уполномоченный надзиратель за справедливостью сможет арестовать тебя, когда бы вы не встретились. Или пристрелить при попытке сопротивления.

– Почему сразу меня? – насупился Семен.

– Потому что я не стреляла по инопланетчикам из глав-

ного калибра!

– Зато ты постоянно ведешь с ними базары! Слово бывает куда оскорбительнее снаряда!

Жустин подумала.

– Хорошо, – произнесла она через силу. – Ордер на одного из нас... Может быть и на меня, ты прав. Это что-то меняет для тебя?

Семен хмыкнул.

– Если б меняло, я оставил бы тебя на Луне. Может, глаза были б целы. Кстати что хотел от тебя инспектор?

Жустин фыркнула и ополовинила свой стакан.

– Ничего, о чем я могла бы пожалеть. Тебя он хотел, Семен! Пришел спокойно, объяснил, что вышел на меня через наших обычных посредников, что ты ему нужен для важного разговора... Но непременно полезешь в драку, не выслушав и слова.

– И ты понадобилась ему как заложница.

– Скорее, как... гм... посредник. Ей богу, если б я не знала, кто он такой, решила бы что речь пойдет об эксклюзивном заказе.

– А полиция?

– По-моему, чисто для страховки. Он все-таки опасался тебя, Семен. И не зря как я теперь ви... э-э... понимаю.

Семен побарабанил пальцами по стеклу.

– Отлично. Просто отлично. Чи-при, Содействие... Кому еще мы перешли дорогу? Лерам?

– С какой стати? – Жустин пожала плечами. – То есть ну да, конечно... Ты же с ними до сих пор воюешь. Нет, Сема, леры просто прислали бы отделение монахов-бойников. И на твой отказ сдаться, открыли бы огонь. Нет, леры ни чего про нас не знают.

– А тревога на их базе дня за три до акции? А слова настоятеля?

– Содействие просило оказать... содействие – обычная практика. А слова настоятеля вообще цитата из устава.

Семен с сомнением качнул головой.

– Дай-то бог, Тина. Дай-то бог... Нам и первых двоих – за глаза. Когда земной департамент или чи-прианский комитет напрямую выйдут на председателя Профсоюза... Угадай что он сделает?

– Выдаст нас, – сообщила Жустин. – Без всякого сомнения.

– Скорее продаст, – поправил Семен. – Поторгуется маленько и продаст. Твои прогнозы: как скоро это случится?

– Черт... – стакан в ее руке дрогнул. – Черт! А я-то, дура, рассчитывала отсидеться суток двести!

– Есть вариант: сдаться Содействию. Как твое чутье, Тина? Они действительно не собирались нас арестовывать?

– Я теперь не знаю, – она вроде бы даже растерялась. – Вот после всего – не знаю.

– А ты узнай, – попросил Семен. – Перетри с Карлосом. Не может быть, чтобы в Содействии не было стукачей Проф-

союза. Может и выяснится, чего они от нас хотят?

– Может, – согласилась она. – А ты не боишься отдавать такую информацию Карлосу?

Семен вздохнул. Теперь бы еще решить, кого следует больше бояться. Допил свой стакан. В процессе выбора это не помогло, зато он вдруг совершенно точно осознал, что до завтрашнего утра любые проблемы спокойно могут подождать. И даже более того – Карлос вместе с господином Сурэ наверняка думают точно так же.

– Погоди-ка, Жус... – выговорил он и направился к дверям на палубу.

Провернул ключ, распахнул створку. И оказался лицом к лицу с крепким молодым человеком в строгом черном костюме, и показательно нацепленным на ухо наушником.

– Господин Сикорский? – предельно вежливо осведомился тот. – Господин Куартьеро просил передать вам вот это.

В руке молодой человек держал другой ключ. Такой же золотой, как и от номера Жустин, и наверняка такой же символический.

– Ваши двери напротив. Вас проводить?

– Э-э... не стоит приятель, – Семен развязано усмехнулся. – Подержи-ка его у себя, лады? Я пока по палубе прошвырнусь.

– Простите, сэр, у вас есть приглашение на сегодняшней вечер?

– Не успели доставить, – нагло соврал Семен. – Я, видишь

ли, здесь недавно...

– В таком случае ваши перемещения по палубе ограничены этими двумя номерами. Сожалею, но это необходимо в целях вашей же безопасности.

– Моей? – Семен хмыкнул, – Вот что парень! Позволь-ка мне самому решать...

– Простите, сэр! – молодой человек повысил голос. За его спиной появился второй, почти полная копия первого. – Сегодня на корабле неспокойно. Вы займете свой номер, или пока останетесь в этом?

Семен обернулся на Жустин, с интересом внимавшую спектаклю.

– Как быстро здесь можно найти горничную? – осведомился он. – Даме понадобится помощь.

– Боюсь сегодня вечером это невозможно. Проход на верхнюю палубу только для авторизованного персонала и вип-гостей.

– Вот как? – поинтересовался Семен. – Кто же тогда мы такие?

Не дожидаясь ответа, он взял на всякий случай ключ от своего номера, и захлопнул дверь перед носом охранника. Повернулся к Жустин, развел руками:

– Нет, ну может, в самом деле? Все-таки покушение на дочь председателя...

– Не обольщайся, – она повела плечиком, пошарила вокруг рукой в поисках, куда бы поставить стакан. Не нашла,

и с прорвавшейся на лицо досадой запустила им в пространство. – Ограничения касаются только нас с тобой. Даже лишних людей подпускать к нам не хотят.

Семен с сожалением посмотрел на вазу, сбитую стаканом с тумбы. Ваза была красивая.

– Если мы под арестом, значит на председателя уже вышли, – мрачно произнес он. – Содействие или чи-при?

– Ни то ни другое. Скорее всего, нас проверяют на предмет участия в покушении.

– Чего? – челюсть у Семена так и отпала.

– Твой корабль прямо таки создан для такой миссии, – осознав иронию сказанного, Жустин усмехнулась. – Появились мы вовремя. Репутация у нас – соответствующая. Еще вопросы?

– Конечно. Они за идиотов нас держат? Следы продуктов выстрела сохраняются на обшивке очень долго. Соскоб и простейший анализ... Да разве б мы сунулись после такого на это корыто?

Жустин пожала плечами.

– Скорее всего Карлос это понимает. Но господин Сурэ... У него сегодня едва не убили дочь, понимаешь? Ты бы смог оставаться на его месте рациональным?

– Не знаю... – Семен мотнул головой. Подумал и повторил: – Не знаю, Жус. Зато точно знаю, что они ни чего не найдут.

– Правильно. Вот тогда и начнутся настоящие перегово-

ры, – Жустин потянулась, попыталась, было подавить зевок, но тут же сдалась. – Слушай, ты спальню здесь нашел уже? Все равно раньше утра ни чего интересного не случится.

– Думаешь? Вчера мы вот тоже решили дожидаться утра.

– Теперь у нас выбора нет, – она вдруг помрачнела, коснулась своего лица, – Как ты думаешь, это очень вредно? Ну, лишнее промедление... «Мясника» ведь к нам сегодня тоже не пустят.

Семен сморщился, словно от нестерпимой горечи.

– Тина, понимаешь?.. Я думаю, что это уже все равно.

Она вздрогнула.

– В каком смысле?

– Без капитальной операции теперь все равно не обойтись.

Тебе придется привыкать к мысли, что скоро у тебя будут новые глаза. Совсем новые, – он выдавил из себя жалкую улыбку. – Ты, кстати, какой цвет предпочитаешь?

– Совсем новые... – ошеломленно произнесла она. –

«Стеклашки» что ли? Я видела на Луне одного такого...

– Жустин, послушай! – Семен подошел, взял ее за руки. – Протезы работают не хуже настоящих глаз. Зрение даже улучшится. У тебя близорукости случайно не было? Если что – исправится. Опять же цвет на выбор...

– Работают не хуже? – она вырвала ладони из его рук, отшатнулась к спинке дивана. – А как они выглядят, ты знаешь?

– Знаю. У нас во время войны на флоте...

– Это вообще не глаза, это объективы оптического прицела! Из глазниц линзы торчат, в темноте светятся и жужжат, когда наводят резкость!

– Светятся только ИК-чувствительные. Тина, ну... Ты пойми, при таких повреждениях... Даже немедленно едва ли что-то можно было сделать. А уж теперь... И ты, между прочим, не права! Сейчас протезы очень даже ничего. Почти не жужжат. Это раньше на войне... Поражение сетчатки лерскими лазерами через прицельную оптику – очень распространенное ранение. Каждый второй наводчик с протезами ходил. Поточное производство, три стандартных размера... Второго, самого ходового, вечно не хватало – врачи вставляли, какой придется, бывало прямо в бою. Укол анестетика с антибиотиком и обратно к прицелу... А тебе мы заказные сделаем. В хорошей клинике. Карлос, вон подскажет в какой...

– Если завтра по доске пройтись не заставит, – она всхлипнула, но уже успокаиваясь. Вернее – беря себя в руки. Вот же все-таки характер! – Ладно, офтальмолог, что там у нас насчет спальни?

– Где то тут за углом должна быть в паре кварталов... Да нашел, нашел, не напрягайся.

– Ну, так веди! Не видишь, девушка с ног валится?

Семен поднялся, снова взял ее протянутую перед собой руку, помог встать. Осторожно обогнул два попавшихся по дороге угла, и остановился на пороге, пытаясь сообразить,

нет ли у слов «что там насчет спальни» тайного смысла. Забавно, прежде он даже не пытался искать подобных намеков, но теперь, в условиях только что пережитого стресса... Ну а что? Неплохой, в конце концов, способ немного уравновесить нервную систему.

– Сема... – произнесла Жустин. – Не бросай меня сейчас ладно? Черт с ней с твоей каютой, здесь же на каждом углу по дивану. Даже коврика не понадобится... А?

– Конечно, Жус – отозвался тот, подавив слегка разочарованный вздох. Тайного смысла все-таки не было.

– Не обиделся? – немедленно уточнила она, словно почувствовав. – Просто сама я... В этих огромных комнатах...

– Я понимаю, не нужно объяснять. Кровать прямо перед тобой, пять шагов. Дверь я закрывать не буду, если что зови, не стесняйся.

Она кивнула, отпустила его руку и неуверенно шагнула вперед.

Искать какой-то новый диван Семен не стал, тот, что стоял в холле, вполне подходил на роль заменителя коврика у двери. Опять же до Жустин не далеко, если что – должен услышать. И вход в номер под контролем. Пусть иллюзорным, но все же...

Устраиваясь на подлокотнике, он думал о том, что заснуть наверное получится далеко не сразу. И, конечно же, вырубился, едва опустив голову на мягкое.

Он не стал гасить в холле свет. Лишь притушил немного до привычного уровня освещенной приборами корабельной рубки. По этому, очнувшись, среагировал сразу.

Захват за кисть получился как бы автоматически. Рывок, поворот, пережат с дивана на пол... Болевой на локтевом суставе он, слава богу, до конца не довел. Захваченная кисть оказалась слишком тонкой, а визг – слишком звонким.

Хорошо, что Жустин не могла видеть этой внезапной активности, не вполне характерной для наводчика-снайпера. У нее снова появились бы несвоевременные вопросы.

– Пусти, придурок! – снова крикнула гостья. – Больно!..

– Тихо, тихо, рыбка, – успокоил Семен. – Это еще не больно.

Он оглянулся на приоткрытую входную створку.

– Одна?

– Нет, со взводом охраны! Пусти, говорю, пока гиббоны к дверям не вернулись!

– Оружие? – Семен обшарил свободной рукой ее пояс, провел по рукавам, дотянулся до щиколоток.

– Идиот! – рявкнула гостья. – Жустин, слышишь? Хоть ты скажи ему!..

Семен ослабил хватку, выпрямил девушку, развернул к себе лицом.

– Она спит, – сообщил он. – Намаялась. Денек был у нас, знаешь... Как доложить-то о тебе?

– Скажи, Нэсултэ пришла... Да пусти же в конце концов!

– Семен! – раздалось от выхода в короткий коридор к спальне. – Пусти ее!

Тот окончательно разжал объятия, отступил на шаг.

– Знакомы? – осведомился он, уже понимая, что вопрос риторический.

Справедливо его игнорируя, пришлица бросилась на шею Жустин.

– Коготок! Господи, что же они с тобой сделали?!

Та стояла, придерживаясь за угол проема. Интересно так и спала не раздеваясь? Побоялась потом не найти одежду?

– Ниси, Ниси... – проговорила она будто бы снисходительно, но в то же время тепло. – Что же так долго? Я ждала, что ты встретишь нас с Карлосом.

Семен, хмыкнул, качнул головой. Уселся обратно на диван и приготовился слушать. Это порой куда полезнее, чем спрашивать.

– Жуси, я не могла с Карлосом. Он все расскажет отцу!

– Тебя ко мне не пускали?

– К тебе ни кого не пускали. Но я не верю, что ты хотела меня убить. Ты бы не смогла.

– Тебя? – Жустин склонила голову. – Ну-ка, ну-ка, Нис?..

– Это был мой катер, – выпалила та. – Отец подарил на прошлой неделе. Мия попросила покататься, ты же знаешь ей тоже нравятся крутые тачки.

– Я не знаю, – Жустин, качнула головой. – Дальше?

– Я разрешила, и она пошла в ангар. Тревога через полча-

са поднялась, а еще минут через двадцать... Её на буксире... Жуси, какой ужас! Это же я должна была быть в той кабине! Это же в меня стреляли!..

– Я поняла, – деловито перебила Жустин. – Во что ты снова вляпалась?

– Ни во что! Честно-честно! Я целый год на этом корабле!.. Как в тюрьме! Я ни в чем не виновата, и ни разу ни с кем посторонним ... – она оглянулась на Семена и прикусила язык. – В общем, совсем не то, что в прошлый раз... Я совсем не понимаю в чем дело! Коготок, спаси меня, пожалуйста!.. Увези куда-нибудь, как тогда...

– Спокойно, Ниси, спокойно... – предупреждая готовые хлынуть рыдания, Жустин склонила ее голову к себе на грудь. – Если ты говоришь правду, то это не в тебя стреляли, даже в голову не бери. Ни кто не собирался тебя убивать. Именно тебя – не собирался.

– Как это? Это же был мой катер...

– Это удар по твоему отцу, Ниси. Кто бы его ни нанес, им все равно кто был в катере. Просто такой намек председателю Профсоюза. Успокойся, ни кто не продолжит преследовать лично тебя. Это... совсем не как в прошлый раз.

Нэсултэ высвободилась, отступила на шаг, уселась на диван рядом с наблюдавшим за сценой Семеном.

– Я дура, – самокритично призналась девушка. – Я круглая идиотка. Ты как всегда права, Коготок. Как всегда все знаешь наперед.

– Не все, милая, – Жустин на ощупь приблизилась, уселась третьей. – Если бы я могла знать все... Расскажи-ка мне что за дела нынче в Профсоюзе? У твоего отца с кем-то проблемы?

– Нет, – девушка потянулась, сосредоточилась. И как-то вдруг совсем перестала походить на истеричную перепуганную малолетку. – Нет, ни каких проблем. Представитель департамента был на той неделе – расставаясь, они обнимались.

– Департамента Содействия? – уточнил Семен.

– Ну, какого же еще? Эмиссар комитета заглядывал в прошлом месяце. Кто-то из наших с дуру нагрел слишком большой конвой чи.

– И что? – Жустин сделала вид, что не удивилась. В контактах Профсоюза с Содействием она, конечно, не сомневалась, но комитет Надзора Чи-при явно стал для нее новостью.

– Ерунда, – Нэсултэ махнула рукой. – Договорились о выдаче, пообещали держать гиббонов в узде... Все как обычно. Чи догматики, но не идиоты, они отлично понимают, что не в силах искоренить пиратство в одиночку. Договариваться с нами куда дешевле, чем всерьез воевать.

Семен невольно отметил это «договорились» и «пообещали». И почему-то вдруг поверил – девчонка действительно участвовала в тех переговорах.

– Леры? – бросила Жустин.

– Господи, эти-то здесь при чем? – Нэсултэ искренне удивилась. – Профсоюз не интересуют их оккупационные претензии. Леров не интересуют честные контракты. Да, в конце концов, монахов же все грабят кому не лень! Даже одиночки безбашенные, не говоря уже о китайцах!..

Жустин кивнула.

– Кстати о них. Помнится между председателем и мадам По были разногласия...

Девушка задумалась на минуту. Потом покачала головой.

– Нет, Жуси, это не они. Все старое улажено и поделено. О новом я бы знала. Но ты снова права, отец в первую очередь подумает о мадам По.

– Не подумает, – обронила Жустин. – Я думаю, он знает, кто заказал этот выстрел. И... я боюсь его реакции на такой намек.

– Ты – боишься? – Нэсултэ неуверенно улыбнулась, словно заподозрив розыгрыш. – Коготок может кого-то бояться?

– Ягодка, слушай меня... – проникновенно сказала Жустин. Замялась, было на секунду, но все же продолжила: – Мы с Семеном сейчас в бегах. На Луне нас едва не взяли за жабры. Сначала наш департамент, потом комитет Чи-при. Удалось уйти лишь потому, что они передрались между собой...

– Поэтому ты... такая? – перебила непутевая дочь председателя.

– Поэтому. Но главное, я не понимаю, чем мы им насоли-

ли. Содействие не интересуется уголовными преступлениями. Контроль справедливости не выдает бессрочные розыскные ордера без пролитой крови.

– А вы точно не?..

– Точно. Для наемного убийцы у Семена странные принципы, он берется стрелять только в леров.

– Да, я слышала, – девчонка обернулась, смерила его снисходительным взглядом. – Сема-Чистоплюй... Не слишком прибыльно для вашего бизнеса, верно?

– На хлеб хватало, – огрызнулся тот. – Порой даже с маслом.

– Ты про это слышала?.. – переспросила Жустин.

Семен нахмурился: показалось, или напарница насторожилась?

– Ты подросла, Ниси, если в теме таких дел, – продолжила Жустин. – Кто-нибудь еще из дочерей работает с отцом?

– Нет, – в ее тоне мелькнул оттенок гордости. – Я тогда кое-что пересмотрела в своей жизни. Твоими стараниями, Коготок.

Жустин улыбнулась.

– Точно? А за защитой снова ко мне прибежала?..

– Ой, ну я же говорю – идиотка! Перепугалась до одури, совсем как раньше! Не поверишь, побоялась, что весь этот корабль...

– Ты права, – согласилась Жустин. – Не поверю. Возвращаясь к отцу и передай, что ко мне не нужно искать подхо-

ды. Достаточно просто поговорить. Как ты сказала: договориться дешевле, чем воевать?

– Жуси... – обиженно выговорила девчонка. Она еще пыталась вернуться в образ. – Жуси, ну ты что?..

– Иди, Ягодка. Я не сказала тебе ни чего такого, что хотела бы утаить от мистера Копье. И чего бы сам он уже не знал. Передай – мы готовы к диалогу.

– Коготок, извини, – серьезно сказала Нэсултэ. – Так было надо. Для вас же лучше.

– Вот в это верю. И... я правда рада, что ты повзрослела. Девушка поднялась с дивана, но у дверей задержалась.

– Жуси... Я правда не желаю вам плохого. Чем я могу помочь?

– Скажи, кто напал на твою сестру. Та открыла, было, рот, но удержалась.

– Это ты и так скоро узнаешь. Если понадобится что-то действительно важное – найди меня.

И, не прощаясь, вышла из каюты, не прикрыв за собой дверь. Жустин молчала, и Семен тоже не торопился начинать говорить, наблюдая за ней. Интересно, все слепые теряют контроль над своим лицом, вместе с возможностью видеть выражение собеседника? Этакая невольная позиция страуса...

– Да, повзрослела... – задумчиво произнесла, наконец, Жустин с долей ностальгии в голосе. – А всего-то три года назад... Впрочем владеть собой, ей еще поучиться.

– А я вот не раскусил, – признался Семен. – До самого последнего момента.

Жустин усмехнулась.

– Вот поэтому ты нажимаешь на курок, а переговоры веду я.

Семен пожал плечами, он ни чего не имел против такого положения дел.

– Слушай, что за имена у них в семейке?

– Обычные имена. Ягодка, Звонкий ручей, Копье... Как это звучит по нанайски ты уже слышал.

– Как-как звучит? – изумился Семен.

Жустин вздохнула.

– Господин Сурэ, этнический нанаец – есть на Земле такая малая народность где-то на крайнем севере. Очень трепетно относится к традициям рода, прикладывает большие усилия к восстановлению этнического уклада и самобытности своего народа. Господи, Семен! Нельзя же настолько откровенно плевать на окружающий мир! Это, между прочим, открытая информация.

– Ну да, точно. Вот чего мне, оказывается, не хватало в жизни – сведений о национальности главного пахана пиратского клана.

– При нашей профессии знать такое бывает полезно, – отрезала Жустин.

– А «Коготок», по-ихнему как? – уточнил Семен. – Можно я всегда буду тебя так звать? Очень эротично.

– Только попробуй... Чего толкаешься? Снова спать ложишься что ли?

– Ну... – Семен растерялся. – До утра еще далеко. А-а, тебя в спальню проводить?!

– Вот же бестолочь! – искренне возмутилась Жустин, – Вставай, говорю! Разведка боем удалась, сейчас в ход пойдут тяжелые танки.

– Что? – Семен оглянулся на дверь. Поспешно поднялся, дотянулся до пульта, усилил освещение.

Вовремя. Будто ожидая именно этого, створка распахнулась настежь, двое уже виденных молодых людей в костюмах шагнули в номер. Один застыл в дверях, второй быстро обшарил пространство холла сканером. Обернулся, кивнул и тогда первый отступил с прохода.

– Ну и что это за цирк? – осведомился Семен у низенького сморщенного человечка, появившегося на пороге. – Вам ли не знать, что я без оружия.

– Цирк, цирк! – человечек два раза кивнул, улыбаясь. Характерное для его этноса строение лица делало улыбку заискивающей. – Настоящий цирк. Прямо беда с этой охраной. Ай, беда! Она только капитану подчиняется. А тот только Карлосу. А Карлос все за меня беспокоится... Правда Карлос?

Появившийся за его спиной Карлос истово кивнул, но голос его прозвучал словно бы укоризненно:

– Господин председатель!..

– Цирк, – повторил глава клана. – Кресло мне вон то подвинь... Так, так, хорошо... Я с тобой буду говорить, Семен Сикорский. Можно? Пригласишь присесть?

– Отчего же, – отозвался Семен. – Трубку мира, правда, не предложу, в корабле забыл.

– Это лишнее, – председатель сморщился. – Это про другой народ.

– Семен, – подала голос Жустин. – Не передергивай. Я же говорила тебе...

– А ты, женщина, молчи, пока охотники делят добычу, – не меняя выражения лица и голоса перебил председатель. – Слишком хитрая, слишком упрямая... Ты умеешь говорить, но сегодня старое Копье пришел не к тебе.

Жустин осеклась, закусила губу. И Семен вдруг осознал, что очень хочет свернуть старому негодяю шею. Просто так, за все то, что он еще не сказал. Интересно было бы после посмотреть в глаза его охраны...

– Женщины... – проворчал тот. – Ни чего нельзя доверить, все на лице написано... Но не у тебя, Коготок. Не у тебя... Скажи мне Сикорский, на что ты готов пойти, чтобы вернуть твоей женщине глаза?

– Семен!.. – не выдержала Жустин. – Семен, молчи!

– Она снова будет решать за тебя? – осведомился господин Сурэ все с той же улыбкой. – Что ты скажешь мне, охотник?

– Я...

– Семен!

– Я заплачу, – проговорил он. – Если вы устроите операцию, я заплачу любую сумму. Не торгуйсь.

– Ай-ай... – вздохнул председатель, – А хватит?

Хватит, Семен был в этом уверен. Глава пиратской империи сумеет вытащить его деньги со всех без сомнения уже арестованных счетов, о которых Жустин даже не подозревала. В крайнем случае, в ход пойдет недвижимость. Один лунный особняк чего стоит, но есть еще активы на Земле и даже вроде бы на Марсе... Пожалуй стоило загодя порыться в старых фамильных бумагах. Ни чего, у председателя должны быть хорошие юристы, которые при надобности разыщут все, что принадлежало Сикорским еще со времен первой колонизации.

– Я найду деньги, – выговорил Семен. – Уверен, в накладе вы не останетесь.

– Ай-ай, – горестно повторил господин Сурэ все с той же улыбкой. – Молодой человек, вам ли не знать, что, начиная с определенной суммы деньги перестают быть целью. Они становятся лишь средством достижения других, куда более заманчивых высот.

Жустин нахмурилась. В ее представлении этой суммы они даже в первом приближении пока не достигли.

– Семен?.. – осторожно произнесла она, но председатель еще не закончил.

– Главный капитал во вселенной – влияние. Оно покупается – до определенной степени. Но если хочешь добить-

ся большего, за тебя должны начать говорить твои поступки. Все, за что можно было заплатить, я купил давным-давно. Потом работал. Много работал, чтобы заполучить то, что имею. И теперь департамент Содействия советуется со мной при проведении тайных операций. Комитет справедливости Чи-при корректирует свои планы, если они наносят мне слишком большой ущерб. Леры и яшми откровенно платят за право беспрепятственного прохода нейтральных пространств. Дроффа просят охранять их собственные патрульные корабли. Ты знаешь, почему все это происходит?

– Ну, еще бы, – не удержалась Жустин. – Около полутысячи бортов под вашими вымпелами любого возможного тоннажа. От бронекатера до... до «Адмирала Нельсона». Кстати, линкор действительно найден и восстановлен?

– Это не важно, Коготок, – господин Сурэ снова подобострастно улыбнулся.

– Точно, – кивнула та. – Слухов об этом вполне достаточно, чтобы дроффа и яшми трепетали. Да и леры призадумаются.

– Э-эй, женщина, что значит железо, без верных людей?

– Верность покупается, – бросил Семен.

– Да! И стоит она не дорого. Куда дороже верность охотника, который знает, что вождь не бросит его на растерзание шакалов.

Семен криво усмехнулся.

– Это кажется тоже про другой народ... Нет? Что вас не

устанавливает в оплате деньгами?

В улыбке на лице председателя проступило разочарование.

– Э-хе-хе... Я думал, что говорю с охотником. А оказывается – с купцом. Хорошо, я скажу прямо. Любые деньги, которые ты сможешь заплатить, не составят и процента от недельного дохода моего Профсоюза. Мне это попросту не интересно. А вот моему капиталу влияния сегодня был нанесен удар. Очень серьезный удар. Что скажут мои капитаны, когда узнают, что я не смог отомстить за собственную дочь!

– Отомстить, – Семен понимающе кивнул. – Вот с этого бы и начинали. Без побасенок о влиянии...

– Надо так понимать, что вы знаете, кому надо мстить? – обронила Жустин.

– Да. И в то же время – нет. Но зато я знаю, кто сможет прояснить для меня этот вопрос.

– Говорите, – произнес Семен.

– Сегодня утром я получил сообщение, – председатель наконец-то перестал улыбаться. – Личное и анонимное. Конверт доставил одноразовый «курьер», обратный курс которого определить не удалось. В конверте была бумага с приметами вашего корабля и вас самих. И еще – распоряжение не оказывать вам никакого содействия.

– Распоряжение? – переспросила Жустин.

– Да. Именно распоряжение. В ультимативной форме. С обещанием скорого подтверждения полномочий и возмож-

ностей отправителя.

– Так, – произнес Семен. – И парой часов спустя был обстрелян кораблик несчастной Мии.

– Совершенно верно. Удивительно что при таких повреждениях она выжила... Но дело не в этом. Со мной не договаривались, понимаете? На меня не пытались давить, не ставили ультиматум, и даже не угрожали! Мне просто приказали и для верности наддали шпорой! Мне!

– Ага, – подхватила Жустин. – Ни кто не смеет приказывать председателю. Все дело в этом, правда? Даже месть – лишь предлог. И еще вы теперь не сможете свистнуть свою свору и спустить поводки. Если каждая собака в Профсоюзе узнает, что председатель позволяет собой командовать – его съедят меньше чем за год. Молодые конкуренты в затылок ведь дышат. А? Что скажешь Карлос?

– Не стоит меня подозревать, – мягко отозвался тот. – Первая претендентка на трон – госпожа Нэсултэ.

– Сикорский, – в голосе председателя впервые прорезались железные нотки. – Уйми свою женщину. Она слишком умна для тебя, но при этом слишком болтлива. Если хочешь вернуть ей глаза, ты найдешь того, кто прислал мне «курьера» сегодня утром, и принесешь мне его голову в чемодане.

– Осторожнее, Сема, – прошептала Жустин словно бы про себя. – Слово не воробей...

Тот оглянулся на нее. Покачал головой. Неужели она думает, что он все еще не принял решения? Господи, да кто же

он тогда в ее... гм... глазах?

– Насчет головы не обещаю, – буркнул он председателю. – После моего выстрела будет слишком хлопотно искать ее в обломках.

Председатель кивнул.

– Я знал, что ты все-таки больше охотник, чем купец.

– Вот как? – произнес Семен. – В таком случае вот мои условия...

– Что? – от удивления председатель едва не вскочил с кресла. – Ты диктуешь мне?..

– Я договариваюсь, – нагло оборвал Семен. – В вашем распоряжении десять тысяч наемников, но каждый новый посвященный недопустимо увеличивает риск разглашения. Значит – вам нужен именно я. В конце концов, именно меня касался переданный вам приказ. С другой стороны во внеземелье десятки клиник, которые сделают отличные глазные протезы или даже трансплантацию, чтоб не блестили «как лампочки». Но в таких клиниках Жустин арестуют прямо на пороге. Значит – вы нужны мне. Осталось обсудить условия сотрудничества. Нет?

Секунду председатель размышлял, потом хлопнул себя по коленке.

– А, шайтан иблиз! Плох тот охотник, который немножко не купец!

– Шайтан – это уже про третий народ, – заметил Семен, но председатель не обратил внимания.

– Говори, Сема-чистоплюй. Чего ты хочешь?

Тот пожал плечами.

– Обычные требования к заказчику. Снаряжение корабля за ваш счет, достойные условия проживания для госпожи Бертье, стандартная ставка оплаты по выполнению контракта – Жустин назовет нашу цену. Накладные расходы, разумеется, отдельно, не думаю, что все вместе это превысит хотя бы процент от вашего дневного заработка... Да, еще нужно найти и вернуть на корабль пушку, которую я сбросил ввиду Луны. Параметры орбиты я укажу.

– Годится, – председатель протянул Семену руку, и тот ответил на пожатие. – Что-то еще?

– Еще лояльность любых ваших агентов и наводчиков, как только нам понадобится информация.

– Эти вопросы будет курировать Карлос, обращай к нему по необходимости. А я зайду к тебе снова, когда ты вернешься с головой того мерзавца.

Опираясь на руку помощника, он поднялся на ноги. У дверей обернулся и, снова натянув свою дурацкую улыбку, добавил:

– Не волнуйся, охотник: пока ты идешь по следу, твоя женщина будет в безопасности, здесь, под моим присмотром.

Семен проводил взглядом вышедшую вслед за боссом охрану, облизнул губы. Нарочито бодрым тоном произнес:

– Горничную ты себе все-таки выпиши, Тина. Слышь меня? И построже, построже с ней, прислуга это любит.

– Дурак... – прошептала та в ответ. Подтянула ноги на подушки дивана, уткнулась лбом в колени. – Ох и дурак же... Ну кто тебя за язык тянул, а?

– А что было делать? – удивился Семен. – Тебе глаза твои нужны, или нет?

– Обошлась бы! – резко бросила она.

– Не дури, Тина. Я накосячил, мне исправлять. Да и не в этом дело вообще! Уж ты-то должна понимать, что нанайцу только одно от нас нужно! Не согласишься я – тут же обоих в открытый шлюз по доске!.. Это ведь из-за нас его дочь едва не убили, нет? К тому же... Похоже это единственный шанс выяснить чем мы насолили сразу двум правительствам, и еще кому-то третьему, которому даже на Профсоюз плевать.

Она тихонько всхлипнула.

– Тебе хорошо... Сам улетишь, а я останусь заложницей... Одна и слепая как крот...

Все она понимала. И общую безвыходность ситуации, и вынужденное согласие, и необходимость, в конце концов, прояснить собственное положение... Просто действительно боялась остаться одна.

– Тебя со мной не выпустят, – подтвердил Семен. – Но, черт возьми, я бы не пожелал себе такую беспокойную заложницу! Голову на отсечение – через неделю ты обзаведешься восторженным болванчиком, который если придется, в чемодане тебя с этого корабля вынесет.

– Я попробую, – вздохнув, честно согласилась она.

– Если получится, как я об этом узнаю? – улыбнулся Семен.

– Пришла «курьера», – она нашла его плечо, прижалась, бесполезно пряча слезы. – Туда, где ты попал тому леру в тринадцатый шпангоут.

– Договорились, – Семен обнял ее, устроил у себя на груди. – Вздремнешь? До утра еще все-таки...

– Все-таки ты раздолбай, – произнесла она, не пытаясь изменить своего положения. – Куда ты полетишь, хоть придумал?

Семен пожал плечами.

– Думать – не моя профессия. Я просто включаю зажигание, а там, куда кривая вывезет.

– Может, не станешь возвращаться? – она сказала это с неожиданной надеждой, но и с плохо скрытым испугом. – Нейтральные пространства огромны, авантюристы-одиночки ни кого там не интересуют...

– Дурочка, – ласково сказал Семен. – Ладно, не хочешь больше спать, тогда правда помогай думать. А то мне что-то все больше хочется разнести эту халабудину вдребезги по полам! Нет?

– Я и думаю, – отозвалась Жустин. – Только ты, пожалуйста, заткнись на полчаса, ладно? Нет, не вставай, мне так удобно. Просто помолчи...

Когда он продрал глаза, было уже явно за полдень. Спра-

шивается, откуда он это узнал? Освещение каюты электрическое, иллюминаторы, если они и были, то уж точно не со стороны общего коридора, да и что в них толку на таком удалении от любых небесных тел? Однако же, он точно знал – чутье не подводит: полпервого, не меньше.

Откуда-то из недр каюты слышался шум воды, набирающейся в ванну. С другой стороны доносился шелест пылесоса. Разбитая с вечера ваза исчезла, ее место заняла другая, вероятно не менее дорогая. И еще голос Жустин.

– ...Да... Да, Карлос, я говорю именно об этом... Нет так не годится, мне нужен личный выход на вашего стукача в лунном отделе... Ну что значит ты не можешь? Мне что теперь председателю звонить?.. Да не колышет, ты меня знаешь! погоди минуту... Бетти! Бетти, вот я тебе что сказала? Я сказала спальню – два раза пропылесосить. Второй раз с увлажнением! Я слепая, но обоняние у меня еще работает. Там пылью пахнет, понимаешь?

– Да, госпожа Бертье... – едва слышно лепетали в ответ, – Разумеется, госпожа Бертье...

– Что – разумеется? Сколько этот номер пустовал у вас? Хоть раз в неделю можно было убраться? Заново, заново давай. И ванну проверь!.. Карлос, да, я снова с тобой... Ну откуда ты знаешь о чем я собираюсь его спрашивать?.. Нет, что значит «тем более»?..

Семен переместился в сидячее положение. Надо так понимать, что горничная с утра уже пришла, и поступила в распо-

ряжение Жустин. Бедняжка. Сама же госпожа Бертье немедленно принялась злоупотреблять разрешением председателя «по необходимости обращаться к Карлосу».

– Жус!.. – позвал он. – Ты где, Жус?

– Так, все, я сказала, чтоб телефон его у меня вечером был, – распорядилась она. – Хорошо, пусть сам звонит. Хорошо, договорились. Хотя бы так...

Она выключила связь и видимо попыталась пристроить куда-нибудь трубку, но промахнулась. Аппарат глухо ударил в ковер.

– Семен, ты проснулся? Иди сюда, где эта дверь чертова?..

Он поспешно поднялся, и пошел на голос. Жустин он нашел в уютном зале виртуального синема в кресле за боковым столиком для напитков.

– Ты чего здесь делаешь? – выпалил он.

– С добрым утром, – отозвалась та. – Где это – здесь?

– Ну... в синема-зале.

– Дьявол! – сообщила она. – Мне показалось, что это кабинет... Представляешь, Карлос – жучила, не хочет делиться своим стукачом в Содействии!

– Я слышал.

– Ни чего, ни куда не денется. Пока не выясним, что инспектор от тебя хотел, с места не двинешься. Председателю это не понравится, так что сдаст он стукача, как миленький.

– Потеряем время, – предположил Семен.

– Сутки, другие, не больше. Ерунда. Без разведки я тебя

не отпущу.

– Угу... – буркнул Семен. – Понятно, Жус. А в комитете Чи-при у Карлоса никого случайно нет?

– Наверняка есть, – она сморщилась. – И не случайно. Но таким человеком без личного распоряжения нанайца он точно не станет делиться. Ни чего я подсказу, что у него нужно узнать, раскрутим ниточку и с этой стороны.

– Ну-ну... – отозвался Семен. – Слушай, а завтрак тебе уже приносили? Нет?

– Ой, черт! Ты же голодный... Бетти!

– Да, госпожа... – горничная появилась моментально, словно стояла за углом. Невысокая полноватая негритянка в переднике. Прямо таки классическая служанка. Все, что касалось роскоши на этом корабле, доводилось до абсолютно-го идеала. – Ванна готова, госпожа. Второй цикл уборки в спальне я уже запустила.

В руках Бетти все еще держала пульт от пылесоса.

– Бетти, накрой господину Сикорскому... где-нибудь, в приличном месте. А потом еще раз проведи меня по всей каюте. Почему ты не сказала мне, что здесь не кабинет, а синема?

– Я думала вы хотите посмотреть... Ой, простите, госпожа Бертье!

Жустин повернулась примерно в том направлении, где в последний раз слышала голос Семена.

– Вот представляешь? – неприятворно ужаснулась она. –

Все это время мне придется как-то с ней ладить!

– Беда, – согласился тот. – Но ты справишься, я верю. Бетти, не надо ни чего накрывать. Скажи лучше, где здесь ближайший ресторан?

– Так, а вот налево от выхода, господин. Сразу за музыкальным салоном.

– Ну... – Жустин замялась. – Ну, вообще-то, правильно, сходи, разведай. Я пока ванну приму. А потом, часика в четыре, там и пообедаем. Смотри, не объедайся пока, береги аппетит.

– За счет принимающей стороны аппетит у меня всегда превосходный, – отозвался Семен.

– Ну, еще бы... – на лице у Жустин вдруг проступило выражение легкой тревоги. – Слушай, ты ни чего не задумал, Сема?

– Я? – он постарался удивиться как можно искренней. – Не бери в голову, насчет «разнести эту халабудину» я не серьезно.

– Очень надеюсь. Сема, правда, поосторожней. С барменом не болтай, охрану не провоцируй. Договорились?

– Я буду тише воды, – пообещал тот. – Спасибо, Бетти, выход я найду. Лучше покажи госпоже ванную.

Парни в костюмах ни куда от дверей каюты не делись. Разве что сменились за ночь. А может, были те же самые, черт их разберет...

– Концерт кончился? – осведомился Семен, закрывая за

собой створки. – Приглашения на верхнюю палубу отменили?

Парни переглянулись.

– Отменили, сэр, – произнес один из них.

– Жаль. А то я как раз получил одно из них. Правда, устно, зато лично от господина Сурэ.

– Как угодно, сэр, – секьюрити решил не спорить. – Однако нам выданы инструкции, сопровождать вас, куда бы вы ни пошли.

– В целях моей же безопасности? – уточнил Семен. – Валий, я не против. Заодно покажешь, где здесь ресторан, который сразу за салоном.

– Идемте, сэр, – с облегчением согласился секьюрити.

Идти оказалось недалеко. Минут пятнадцать. Ресторан оказался самым настоящим. Не декорированным корабельным отсеком, а установленным на палубе павильоном, с верандой, столиками, фонариками и прозрачной крышей... позволяющей обозреть прозрачную же крышу самой палубы. Запах у ресторана тоже был настоящий: жаренного на открытом огне мяса. И никакой тебе сои на электрогриле, не забегаловка в третьем классе!

– Зайдешь, или здесь постоишь? – осведомился Семен у своего провожатого.

– Постояю, – с улыбкой отозвался тот. – Черного хода здесь нету.

– Тогда вот что... Чем скучать просто так, позвони-ка

Карлосу и скажи, что я жду его в этом ресторане.

– Господину Куартьеро?

– Ему.

– Он ждет звонка от вас?

– Нет. Но уверяю, зайти он не откажется.

Не дожидаясь ни согласия, ни возражений, Семен поднялся на три ступеньки и шагнул в зал. Не слишком большой, ресторан явно не был рассчитан на массового посетителя. Навстречу тут же выдвинулся официант. Смерил Семена взглядом, и его дежурная улыбка стала прохладнее, чуть-чуть, едва заметно.

– Простите, сэра, – произнес он. – Боюсь, я должен предупредить сразу: у нас очень дорогое обслуживание. Очень дорогое.

– Я что так плохо выгляжу? – Семен придирчиво осмотрел свой наряд. Окровавленную, разодранную собственными ногтями рубашку, в которой он прыгал по мусоропроводам еще на «Луне Сортировочной», Семен сменил еще в своем корабле. Особого выбора правда не было, большой гардероб на диверсионном корвете, вещь излишняя. В результате теперь официант вполне мог принять его за докера. Ну, в лучшем случае, за пилота недавно ошвартовавшегося каботажника.

– Э... сэра? – вопросительно протянул официант.

– Я жду господина Куартьеро, – провозгласил Семен. – Это имя ведь вам известно? Поддай-ка, дружок, меню вон за

тот столик.

Секунду официант сомневался, словно обдумывая, может ли сказанное оказаться ложью. Затем все-таки решил, что такими именами не шутят.

– Господин Куартьеро, наш почетный гость, – с легким поклоном он сделал приглашающий жест.

Когда около ресторана, попирая шинами вплотную подходящий к крыльцу ковер, едва слышно затормозил гольфкар, Семен успел почти доесть порцию шашлыка, действительно зажаренного на настоящих углях. Подчеркивая эту строчку в меню, Семен испытывал некоторое злорадство – дороже здесь ни чего не было. Конечно, цена порции едва ли составляла хотя бы сотую долю процента часового заработка председателя Профсоюза, но все же было в этом некоторое извращенное удовольствие – заставить его самому себе заплатить за обед наемника.

Господин Куартьеро отчего-то оказался не рад неожиданному приглашению в самый дорогой ресторан верхней палубы.

– Сикорский! – начал он прямо от входа. – Не кажется ли вам, сударь, что вы злоупотребляете благоволением господина Сурэ? Жустин все утро медленно вытягивает из меня жилы, требуя сдать ей с таким трудом налаженную агентурную сеть! Затем вы в безапелляционной форме требуете моего присутствия!..

– Как-как? – переспросил Семен. – В без... чего? Да ты присаживайся, амиго. Мне сказали, ты тут почетный гость.

Шашлык будешь?

Карлос стремительно приблизился, склонился над столом.

– Издеваешься, наемник? Считаешь, нанаец тебя защитит? Может и так – пока ты ему нужен. Зато после!..

– Спокойно, Карлос... Можно я так тебя буду называть? Побереги свои нервы, Коготок тебе их еще потреплет. Так ты сядешь?

Тот порывисто отодвинул стул, уселся. Однако наметанное на интригах ухо уже уловило оговорку:

– Только Коготок?

– Во всяком случае, пока я не вернусь, – подтвердил Семен. – Ты ведь хочешь от меня избавиться, хотя бы на время?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.